

МАРИЯ
МАНИЧ

НЕНАСТОЯЩАЯ

СЕМЬЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мария Манич

Ненастоящая семья

«Автор»

2022

Манич М.

Ненастоящая семья / М. Манич — «Автор», 2022

Мой будущий работодатель поставил условие: незамужним девушкам, да еще и с ребенком, нет места в фирме. Нужно было сразу отказаться от этой затеи и махнуть рукой, но я не из тех, кто сдается на полпути. Поэтому попросила бывшего одногруппника жениться на мне. Понарошку. Нашим родным так понравилась эта идея, что они решили сыграть настоящую свадьбу. Вот только дальше все пошло не по плану, потому что первая брачная ночь у нас вышла самая настоящая. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	9
3 Глава	14
4 Глава	20
5 Глава	26
6 Глава	31
7 Глава	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Манич

Ненстоящая семья

1 Глава

– Ну что? – нетерпеливо спрашивает Алка, впиваясь в моё лицо жадным любопытным взглядом, как только подхожу ближе.

– Потом, – устало отмахиваюсь от неё, бросая сумку с ноутбуком на стол, и усаживаюсь рядом.

Консультация по защите диплома вот-вот начнётся, но, судя по полупустой аудитории, никто не спешит оставлять учебу в прошлом.

– Как это потом? Как всё прошло, рассказывай давай! – не унимается подруга, двигаясь по скамье ближе.

Сегодня утром у меня было третье и финальное собеседование по зуму с будущими работодателями. Я его прошла, как и два предыдущих. Следующий этап должен состояться в Дубае уже непосредственно на рабочем месте. Меня представят команде, в которой я буду работать, покажут офис, познакомят с руководителями, и я шагну навстречу своей давней мечте, если только выполню одно маленькое условие. Маленькое и невыполнимое!

– Они хотят, чтобы я вышла замуж.

– За кого? – округляет глаза Алла и заглядывает мне за спину, словно там притаился мой потенциальный муж!

– За кого-нибудь! Да побыстрее! Иначе они аннулируют своё предложение.

– Арабов всё-таки смущает одинокая молодая сексуальная девушка? А как же: «они шагают в ногу со всем миром, у них давно нет таких старомодных взглядов»? – искусно передразнивает мои интонации подруга и начинает хихикать.

У меня жизнь рушится, а ей смешно!

– Видимо, я ошиблась. Сегодня они дали понять, что на многое могут закрыть глаза, но то, что у меня есть ребёнок в столь юном возрасте и при этом я ни разу не была замужем в этом же возрасте, может создать некоторые проблемы внутри коллектива. Это цитата, если что. Что мне делать? – бормочу обречённо.

– Ты правда так хочешь там работать? Может, что поближе рассмотреть? Москву? Питер? Казань? Владивосток?

Я давлу невесёлый смешок. С географией у Аллы явно проблемы, если она предлагает в качестве варианта «поближе» Владивосток.

– Хочу именно туда. Понимаешь, это мой шанс вырваться отсюда и открыть для Зои двери к успешному будущему. Это наш с ней шанс, пока она маленькая и не привязана к школе. И пока мои родители могут за ней присматривать. Они тоже не молодеют, и скоро им так же понадобится финансовая поддержка. Я хочу быть опорой для своей семьи.

Мимо нашего ряда шаркающей походкой идёт Виталик Костенко. Худой, высокий и очень нескладный. Длинные светлые волосы забраны в хвост, на руках какие-то фенечки, штанины джинсов такие широкие, что из них впору делать парашют. Алка, как видит его, всегда морщит нос и бурчит: «Фрик». Я ничего против Виталика не имею. Приветственно кивнув, парень, не раз выручавший меня во время учебы, устраивается позади нас. Теперь придётся говорить тише.

– Из любой школы всегда можно перевестись. Я сама сменила три! А опорой должен быть мужик, – деловито говорит Алла, и не думая понижать голос. Ну да, родившимся с золотой ложкой во рту легко рассуждать. Взглянув в моё страдающее лицо, приосанивается и начинает

вертеть головой по сторонам. – Ладно, муж так муж. Можно фиктивно выйти замуж, а потом развестись. Я такое в сериале видела, правда, они там делали это из-за проблем с усыновлением, а потом влюбились и поженились, нарожав кучу своих детей, представляешь?

– Волкова, хватит мечтать... – возвожу глаза к потолку, на котором болтается массивная люстра, гордость нашего декана. – В сказке, вообще, спящую красавицу целовал принц, когда она фактически была мертва! Давай ближе к нашей реальности...

– Один – ноль, – хмыкает позади Костенко.

Так и знала, что он всё слышит!

– Ой, да замолчите вы. Ближе к делу, значит. У тебя есть кто на примете? Может, тот парень из кафе, где мы были позавчера? Он был классный!

– И не обременённый интеллектом, – произношу задумчиво. – Никого нету. И я хочу, чтобы это был кто-то хотя бы отдаленно знакомый. За парня с улицы выходить замуж как-то не хочется.

– Вы посмотрите на неё, она ещё выбирает!

Алла задумчиво жуёт губу, блуждая взглядом по гудящей голосами аудитории. Сокурсники устраиваются за столами, болтают, собираясь по знакомым группам. Спустя пять лет предпочтения в общении у всех давно сложились.

– Миронов?

Мои губы кривятся при мысли о самом популярном парне нашего потока. Алла сохнет по нему с первого курса, неудивительно, что именно он пришёл ей на ум первым.

– Борисов?

– Препод наш? Ты чего?

– Нет так нет... Вит?

– Кто? – не сразу понимаю, о ком речь.

– Это я, – раздаётся за моей спиной знакомый насмешливый голос Костенко, о котором я уже успела позабыть. – И я сразу говорю: нет. Ты, конечно, ничего так, Ленка, но я в ближайшие лет десять жениться не собираюсь. Отдамся науке.

– Подумаешь, какая потеря, – отмахиваюсь от него, словно от мухи.

– Подслушивать нехорошо, Виталик, – стремительно обернувшись, Алла грозит ему пальцем. – Может, Дроздов? И Зойка твоя на него похожа. Оба блондины. Пару раз сфоткаетесь вместе, счастливо улыбаясь, выставишь в интернет, можешь даже по почте своим арабам скинуть, пусть любят. Настоящая семья! Папа, мама, я!

– Ненастоящая, – поправляю на автомате, но всё же смотрю на Рому Дроздова.

Почему-то мысль о том, чтобы выйти за него замуж, не пугает. Он надежный какой-то, что ли. Учился неплохо. Чтобы девчонок менял как трусы-неделька тоже не видела. Ни в каких сплетнях замечен не был. Работает на себя, фотографирует свадьбы и довольно неплохо. Моя одноклассница Юлька в том году отхватила его на свадьбу и хвасталась этим на встрече выпускников с таким видом, словно на её торжестве будет выступать обвешанный перьями и стразами Киркоров.

Рома сидит выше нас на три ряда и прикладывает к своему лбу бутылку с водой. Он тоже высокий, но не такой худой, как Виталик, в отличие от него, нарастил мышечную массу. А я его помню ещё тощим и нескладным, в странном пиджаке, в котором он пришел на линейку первого сентября пять лет. Сейчас, выглядит совсем иначе. Можно даже сказать, что он красавчик. Но раньше я к нему как-то не приглядывалась. Рома всегда был где-то рядом с моей вселенной, но никогда не был в её центре.

Наши глаза – его светло-карие и мои зелёные – на секунду встречаются, и Дроздов, не скрываясь, в отвращении кривит губы, отворачиваясь.

Хмыкаю. Ничего не изменилось. На первом курсе мы сходили на весьма неловкое свидание и с тех пор, кажется, не перекинулись даже парой слов.

– Он ни за что не согласится.

Эта идея о фиктивном браке заведомо обречена на провал. Мы не в сериале, ничего хорошего из этого не выйдет. Но какие у меня ещё варианты? Надо подумать.

– Нужно спросить!

– Я тоже за Дроздова! – заговорщически шепчет Вит. – У него, кстати, финансовые трудности, предложи ему денег! Думаю, он легко согласится.

– Костенко! – вскрикиваем одновременно с Аллой, оборачиваясь к нему.

Декан, стоящий за кафедрой, деликатно откашливается, бросая на нас неодобрительные взгляды. Мы втроём совсем не слушаем его напутственную речь. Я вообще упустила тот момент, когда он появился в аудитории.

Диплом у меня давно написан. Осталось внести последние правки и накидать презентацию на защиту. Но это всё я знаю и без декана.

– Ты предлагаешь Ленке купить мужа? – охает Алла, но ей, кажется, нравится эта идея.

– Да, чего такого? Я помочь хотел! Лена, смотри на это как на капиталовложение! Инвестиции в будущее!

– Ага, финансовая пирамида, ещё скажи.

Подруга оборачивается к нему и что-то грозно начинает шептать, а мой взгляд против воли находит Рому на другом конце аудитории.

Я раньше как-то не замечала, но и правда, по какой-то насмешке судьбы, они с моей Зоей очень похожи. Склоняю голову набок, обдумывая этот вариант развития событий, и, чем больше я размышляю о Дроздове, тем более бредовой мне кажется эта затея.

Тем не менее, когда Дроздов встаёт на ноги и начинает пробираться к выходу, прикладывая к уху свой мобильный, я вскакиваю и устремляюсь за ним.

– Ты куда? – удивляется Алла.

– Я сейчас вернусь.

Чего такого? Я просто спрошу, предложу. А вдруг выгорит? И мне не придется создавать страничку на сайте знакомств с аватаркой: «Ищу мужа. Интим не предлагать.»

– Рома!

Не оборачивается, гад! Точно знаю, что слышал. Видела, как его голова дёрнулась в мою сторону, а плечи напряглись, и он, кажется, только что ускорился.

Парень не обращает на мой зов никакого внимания, скрывается за дверьми аудитории.

– Елена, я вам не мешаю? – летит мне в спину ехидный вопрос декана. – Может быть, продолжите вместо меня?

– Никак нет. Я вам доверяю, Евгений Викторович, – бросаю на ходу, не оборачиваясь.

– Елена, на защиту пойдёте первая! Лично проверю вашу презентацию!

Лишь отмахиваюсь, вылетая в коридор. Всё это пустые угрозы, потому что Евгений Викторович и есть мой дипломный руководитель. Деканом он стал совсем недавно: заменяет сломавшего на горных лыжах ногу коллегу.

Туфли на каблуках скользят по намытому полу, и я пытаюсь тормозить, оглядываясь по сторонам. Куда мог исчезнуть Дроздов? Никогда ранее не бегала за парнями, но трудные времена требуют отчаянных действий. Наконец я вижу его, заворачивающего к лестницам.

– Дроздов, да подожди ты! Не уходи!

Рома, убрав телефон в задний карман джинсов, наконец смотрит в мою сторону. Безразлично скользит взглядом и со скучающим видом ждёт, когда доберусь до него. Он даже полнотью не развернулся! Так и стоит боком, в любой момент готовый дать от меня дёру.

Я приглаживаю волосы, одёргиваю полы кремового пиджака и, нацепив на губы самую очаровательную улыбку, собираюсь без промедлений озвучить свою безумную просьбу.

– И тебе привет, Канарейкина. Какими судьбами?

– Витиеватыми тропами, – бормочу, останавливаясь рядом, и перевожу дух.

Мне приходится запрокинуть голову, чтобы взглянуть в его красивое лицо. Когда он успел вымахать в двухметрового, широкоплечего мужика? На первом курсе Рома был шупленьким, низеньким, с непропорционально длинными руками и светлым пушком под носом парнишкой. Я на спор сходила с ним на свидание, и мы поцеловались. Это было... буэ...

– Ну? – поторапливает Рома, отводя взгляд.

Он что, стесняется?

– Мне нужно выйти замуж, – выпаливаю, скрестив за спиной пальцы на удачу.

– Поздравляю. Говорят, там прикольно. – После моих слов Рома заметно расслабляется и даже улыбается в ответ, на секунду заглянув мне в глаза. – В этом сезоне у меня всё занято, но могу посоветовать кого-нибудь из коллег. Скинь мне свой бюджет, подумаю, кому позвонить.

Он, видимо, решил, что я хочу взять его фотографом на своё фиктивное торжество? Если честно, работы у него и правда классные. Особенно мне нравятся его репортажные снимки. Живые, динамичные, в них есть душа.

Я сглатываю. Почёсываю бровь. Переступаю с ноги на ногу. И решаюсь.

Подаюсь вперед и кладу ладонь на предплечье Дроздову. Вау, какие каменные мышцы! Он заметно напрягается. Недоуменно следит за моим движением и заторможенно моргает.

Рома медленно переводит взгляд на меня и подозрительно прищуривается.

– Кхм. Я хочу выйти замуж за тебя. Так какие говоришь у тебя планы на лето?

2 Глава

С самооценкой у меня всегда было всё в порядке, за исключением момента, когда бывший не придумал ничего лучше, чем бросить меня за два месяца до родов. Как раз в тот момент я уже была похожа на кита, весила центнер, жутко отекала и постоянно плакала. Тоже хотелось от себя убежать. Что Женя и сделал, улетев в Египет и телепортировав мне оттуда прощальные смс. Уехал он не один, а прихватив с собой Ларку, его мерзкую лучшую подругу детства. Она мне никогда не нравилась, впрочем, как и я ей.

Не знаю, как в тот сложный период не чокнулась и не сошла с ума.

Я не писаная красавица, скорее даже обычная, но родители с детства учили меня знать себе цену и ценить то, чем наградила природа, а ещё уметь этим даром выгодно пользоваться.

Моим главным козырем всегда была улыбка. Открытая и приветливая. Я на всех фотографиях и селфи стараюсь как можно больше улыбаться во все тридцать два. Сложенные уточкой губы, как любит фотографироваться Алка, делают моё лицо похожим на куриную жопку, а вот улыбка – это другое.

Сейчас я пытаюсь обезоружить Рому как раз этим самым приёмом. До такой степени, что начинает сводить щёки.

– Не совсем понимаю тебя, Лена, – осторожно произносит Дроздов, пытаюсь отодрать мою руку от себя.

– Да чего тут непонятного? – искренне удивляюсь. – У тебя девушка есть? Или ты весь в работе?

Склоняюсь ко второму варианту. До сегодняшнего утра я вообще не думала о его жизни и напрочь забыла о его существовании. Нам обоим было не по себе после того свидания на первом курсе. Мне мерзко, что я поддалась на провокации Аллы и позвала на встречу вечно краснеющего при моем появлении парня, да ещё и полезла целоваться в конце. Боже. Где были мои мозги?

Дроздов пытается обогнуть меня по дуге, но я намертво вцепилась в его руку и продолжаю напирать и теснить оторопевшего Рому к стене.

– Нет. И я никого не ищу, – он отчаянно сопротивляется моему напору. – Какого хрена ты творишь, Лена?

Мое имя он произносит с особой интонацией. Слово оно ядовитое и доставляет ему физическую боль, от которой кривится рот. Зависаю на его пухлых губах, волевым подбородке с небольшой ямочкой по центру и светлой щетиной.

– Отлично. А я вот ищу. Мужа, – говорю, улыбаясь.

– При чем тут я, Канарейкина? – понизив голос до шёпота вкрадчиво интересуется парень. – Совсем с ума сошла?

– Ты идеальный кандидат, – гну своё. – Мы давно знакомы. Ты положительный. Работящий. Сплошные плюсы.

– Совсем не спала, пока диплом свой писала? Кофе перепила? Энергетиков? Или под чем ты там, Лена?

На его лице написан полный скепсис. Брови, всё это время медленно ползущие вверх, кажется вот-вот достигнут корней волос. При этом смотрит он на меня и правда как на сумасшедшую. Наверное, я веду себя не очень адекватно, повиснув на его предплечье и стараясь удержать на месте эту скалу из тестостерона. Внезапно осознаю, что на ощупь Рома очень даже ничего. Трогать его приятно. От него вкусно пахнет древесным ароматом, от которого во рту собирается слюна и мне вдруг хочется лизнуть золотистого цвета кожу на мужской шее.

Сглатываю. После фиаско с Женей парней у меня не было. Я зареклась и поставила крест на чувствах и отношениях. Не до этого было. Учёба. Маленький ребёнок. Кое-какое время на себя. А теперь внезапно меня волнует близость Дроздова? Дожила.

Каблуки неприятно чиркают по кафелю, возвращая назад в реальность, где Дроздов-шкаф таратится на меня с отчаянным непониманием.

– Ты совершенно не воспринимаешь меня всерьёз, Рома!

– А должен, Канарейкина? Если честно, ты меня до чёртиков пугаешь, – усмехается Роман.

– Если прекратишь пытаться от меня сбежать, я смогу всё объяснить. По-человечески.

– Валяй, – благосклонно отвечает Рома и опершись плечом о стену, принимает напряжённо-выжидающую позу.

– Хорошо. Спасибо. Мне предложили работу. Хорошую работу: денежную и не в нашей стране. У них свои порядки, понимаешь? Я очень хочу попасть в эту фирму. Но сегодня мне поставили условие. Либо у меня в паспорте должен быть штамп о замужестве, как и в анкете стоять галочка напротив графы семейное положение, либо они найдут более подходящего сотрудника, несмотря на то что моё портфолио их впечатляет. То, что у меня есть Зоя, только всё усложняет. Мне нужен этот долбаный штамп в паспорте, и меня устроит, если брак будет ненастоящий.

– Кто у тебя есть?

– Дочь. У меня есть дочь. Ей три года, я оставлю её здесь, со своими родителями, пока не устроюсь в Дубае, – объясняю бодро, обрадовавшись, что он перестал от меня пятиться и, кажется, впрямь заинтересовался и проникся всей ситуацией. – Вы с ней чем-то похожи.

Оглядываю Рому с головы до ног. Цветом волос, конечно, не более. Моя Зойка рядом с ним будет казаться совсем крошкой и, скорее всего, назовет его «дядя Великан».

– Так предложи своему бывшему помочь тебе, – озвучивает очевидное Рома.

– Он уже женат. А вот ты – нет, – парирую в ответ.

– Ага, не женат и не собираюсь, Канарейкина. Удачи тебе в поисках мужа, но я пас, – поднимает вверх ладони, намекая на то, что разговор закончен.

Я буду не Лена Канарейкина, если так просто отпущу его сейчас. Ведь уже почти нашу пала слабинку в его обороне. Он же меня даже выслушал! А это уже кое-что.

– Всего на год, Ромочка! Распишемся в загсе, даже кольцами обмениваться необязательно. Никакого торжества. Да никто не узнает даже, если болтать не будем. Всё будет фиктивно! Несколько семейных фотографий и один раз нужно будет приехать в Дубай для поддержания легенды. А потом мы расстанемся, тихо и мирно, без делёжки имущества и прочих судов. Расстояние убьёт нашу любовь. Я буду несколько месяцев очень страдать, но потом возьму себя в руки и начну жить дальше.

Приблизившись, я опять дотрагиваюсь до Ромы, положив на этот раз ладонь ему грудь, и доверительно заглядываю в глаза. Отчаянно пародирую кота из мультика про зелёного тролля.

Дроздов больше не дёргается от меня как от прокажённой и даже улыбается. А потом и вовсе запрокидывает голову и начинает смеяться. Громко и искренне, содрогаясь всем телом. Я тоже не могу сдержать улыбку. И легонько поглаживаю большим пальцем натянутую на его грудных мышцах белую ткань футболки.

Рома накрывает мою руку своей, моя ладошка тонет в его. Он останавливает поглаживания и легко сжимает мои пальцы. Опустив ресницы, смотрит сверху вниз.

Теперь уже он пялится на мои губы, которые тут же начинает покалывать.

– Канарейкина, да ты чума, – выдыхает заворожённо, – Давно я так не смеялся. Смотрю, основательно подготовилась. Продумала всё, да?

Скорее придумала на ходу, но зачем ему об этом знать? Поэтому я с готовностью киваю.

– Отличный план?

– Неплохой. Но мой ответ по-прежнему – нет. Бредовой затеи не слышал и участвовать в этом не собираюсь. Извини, у меня есть куча других, более важных дел, чем играть с тобой в игру «Папа, мама, я – ненстоящая семья».

Звучит обидно. Встаю на носочки, чтобы быть к этому болвану чуточку ближе и, добравшись до его уха, грозно шепчу:

– Говорят, у тебя серьёзные проблемы. Вляпался в неприятности? – решаю зайти с этой стороны и разыграть инсайдерскую информацию, полученную от Виталика. – Могу помочь.

Дроздов замирает, и теперь уже он оглядывает моё невысокое и тщедушное тельце с головы до ног, словно видит впервые. Ноздри его раздуваются, желваки на шее напрягаются, а взгляд, в котором последние минуты прыгали искры неподдельного веселья, становится холодным, почти злым.

– Ты предлагаешь мне деньги, Ленка? – с вибрирующими нотками в голосе спрашивает Рома.

– Я предлагаю тебе помощь, если она тебе нужна. Люди так делают. Приходят на взаимовыручку. Могу и деньги предложить, если надо. Возьму кредит. Дам расписку. Надо?

– Не надо. Ещё раз – нет, Канарейкина. Могу в письменном виде дать отказ и отправить по почте, если так будет понятнее. Твоё предложение меня не интересует, но я искренне надеюсь, что ты сможешь найти выход и решить свои *проблемы*. При этом не засунув свой хорошенький нос в мои.

После этих слов Рома обхватывает мои плечи и, чуть сжав их пальцами, двигает меня в сторону, освобождая себе дорогу. Смотрит в моё лицо несколько секунд, словно собирается ещё что-то сказать, а затем качает головой и, усмехнувшись, идёт мимо.

Безмолвно смотрю вслед его удаляющейся двухметровой фигуре, понимая, что мужа в лице Дроздова мне не видать как собственных ушей.

– И это твоя благодарность за то, что четыре года назад я научила тебя сносно целоваться? – кричу в широкую спину.

Рома запинаясь на ровном месте и останавливается. Оборачивается через плечо, прищурив глаза, и хриплым, словно не своим голосом произносит:

– Что ты сейчас сказала, Канарейкина?

Кажется, последнее замечание всё же было лишним. Кажется, стоило смириться с поражением и вернуться в аудиторию перебирать кандидатов в фиктивные мужья дальше. Только вот я уже так загорелась идеей, что в загс меня поведёт Дроздов, что просто не смогла смолчать!

– Мне повторить? – вздёргиваю подбородок повыше и складываю руки на груди.

– Рискни.

Дословно повторять что-то не хочется. А вспоминать о тех поцелуях было ошибкой. И то, что они вообще были... это было фатальной ошибкой моей бурной юности. О таком даже подружкам не рассказывают. Просто тихо хоронят в уголках своей памяти и надеются, что данный позор никогда не найдет выход наружу.

– Мог бы быть и поговорчивее. Я в своё время помогла тебе, теперь твоя очередь возвращать долги. Ничего личного!

– Как же ты меня достала, Канарейкина, – мотнув головой, произносит Рома.

– Я ещё даже ничего не успела сделать, Ромочка! – вставляю ехидно.

Он несколько секунд о чём-то думает, словно взвешивает все за и против, и вдруг начинает идти обратно ко мне. Широким уверенным шагом. Мне бы хотелось узнать, что он там только что решил в своей голове. Где будет прятать мой расчленённый труп? И я собираюсь об этом спросить, но миг тушуюсь, стоит повнимательнее взглянуть в лицо Роме.

От Дроздова исходит мощная аура ярости и чего-то ещё. Смотрит давяще, принуждая мою тонкую фигурку никуда не двигаться. У меня даже ладони вспотели и язык к нёбу прилип. Лучше б вообще отсох! Все беды в моей жизни – от болтливости.

Рома широкими шагами пересекает коридор. В котором, на минуточку, ни души! Все, как прилежные ученики-первоклашки, слушают бубнёж декана, доносящийся из приоткрытой двери аудитории.

Не стоило его бесить.

– Эм. Ты, кажется, собирался уходить, – решаю напомнить, потому что уже я пячусь назад к стене, до тех пор пока спины не касается прохлада бетона.

– Да ну? – обманчиво мягко интересуется Рома, ставя ладони около моей головы.

Видимо, первый шок от моего внезапного напора прошёл, и сейчас Дроздов выглядит совсем иначе.

Злой, уверенный в себе и очень нахальный. Такого Рому Дроздова я не знаю. Никогда не видела, не имела возможности познакомиться. Он всегда был где-то на периферии моей студенческой жизни. Мы редко пересекались и до сегодняшнего утра перекинулись разве что парой фраз.

А сейчас он смотрит на меня так, как давно никто не смотрел. Жадно. Раздевает глазами, бесцеремонно скользя взглядом ниже моих ключиц. Мажет по моей груди и опять возвращается к лицу.

Глаза в глаза.

Капкан захлопнулся. Хищник обернулся добычей.

Кожа покрывается мурашками. Весь мой боевой запал и энтузиазм, распалывший моё нутро ещё секунду назад, сдулся как по мановению волшебной палочки.

– Да? – пишу неуверенно. – Ром, ты чего?

– Я теперь тоже кое-что умею, Канарейкина. Показать?

– Можно я откажусь?

– А это был риторический вопрос, Лена.

Рома бесцеремонно вторгается в мое личное пространство, стремительно сокращая расстояние между нашими лицами. Задевает своим носом мой, делает глубокий вдох. Мгновение, и его дыхание обжигает мои губы. А потом уже его наглые губы осторожно накрывают мои.

Широко распахнув глаза, я оторопело наблюдаю за подрагивающими ресницами Дроздова. Ловлю его движение ртом и теряюсь от внезапного напора мягких мужских губ. Он демонстрирует мне все свои умения, покусывая и щекоча мои губы языком. Его поцелуй выбивает из равновесия до такой степени, что слабеют колени.

Качнувшись вперед, упираюсь руками в плечи Ромы. Пытаюсь сдвинуть эту скалу с места, чтобы глотнуть воздуха. У меня кислородное голодание и тепловой удар. Это безумие нужно прекратить! Сейчас же! Я не хочу с ним целоваться. Не хочу?

Наконец мне удается увернуться. Почему я не сделала этого раньше, даже думать не хочу!

Чужие губы задевают мою щеку и мочку уха в ужасно чувственном касании. Волна тепла прокатывается по телу и концентрируется внизу живота, мне приходится зажмуриться, чтобы не спалить перед Дроздовом все свои оголённые эмоции.

– Так ты... – прочищаю горло, голос внезапно стал очень хриплым, – женишься на мне?

– Не в этот раз, Канарейкина, – так же сипло отвечает Рома.

Он продолжает нависать надо мной, опираясь на собственные руки. Дышит так, словно пробежал на время стометровку. Рвано и часто.

Один глубокий и шумный вдох-выдох, щекочущий мои волосы, и Дроздов лишает меня своей близости. Молча отстраняется и уходит.

Открываю глаза, только когда его быстрые шаги стихают парой этажей ниже.

Возвращаюсь в аудиторию и мешком опускаюсь на место рядом с Алкой.

– Ну что? Согласился? – шепчет подруга, смотря на меня с нескрываемым любопытством. Костенко перевесился через свой стол, чтобы быть к нам поближе.

– Ну как? Денег дала?

– Никак. Слушать не стал, – бросаю в ответ.

Смеяться хочется оттого, как вытягиваются их лица. Парочка «сватов» переглядывается.

– А чего же ты так долго? – удивляется Алла.

– Нужно было показать ему сиськи! – со знанием дела говорит Вит, за что тут же получает затрещину от Волковой. – Ай! Чего такого-то?

Отворачиваюсь от этих двоих под предлогом проверить мобильный. На самом деле – чтобы скрыть горящие щеки и губы.

Не хочу анализировать и думать о том, что сейчас произошло в коридоре. Но мысли, как тараканы, навязчиво лезут в голову, транслируя мне бегущую по кругу строку: «Рома Дроздов умеет целоваться». Не могу не согласиться. И делает он это просто феноменально.

3 Глава

Евгений Викторович отпускает нас через час. Он пристально изучал дипломы всех желающих – а мы с Аллой входим в это число – и давал ценные рекомендации по быстрым правкам и презентации. Защита назначена через неделю.

– Страшно, – бормочет подруга, запихивая свои вещи в сумку.

– Не то слово.

– Отсутствующим передайте, что с них будет особый спрос, – громко, чтобы перекрыть гул голосов, произносит декан. – Кто настаивал на этой встрече? Вы! Мне она на фиг не нужна, я, может, рад буду вас всех завалить.

– Да ладно вам, Евгений Викторович. Пощадите, – умело подлизывается Костенко и протягивает декану руку для пожатия. – Бывайте, дамы.

Обернувшись к нам, Виталик поднимает ладонь и, подмигнув, выходит из аудитории.

– Какой же он всё-таки неопрятный, – Алла, прищурившись, провожает взглядом его длинную нескладную фигуру и в отвращении передёргивает плечами. – Не хватает ему женской руки. Приодеть бы, причесать, вымыть!

– И?

– И будет завидный жених. Ты видела, какого он роста? И тощий такой. У отца новая пассия, как раз владеет модельным агентством. Как думаешь, если добыть пару фоток нашего Костенко и отправить ей? Мне кажется, у него есть потенциал, – задумчиво произносит Алла, постукивая длинными острыми ногтями по чехлу своего телефона.

Не могу сдержать смеха.

– Алла, ты не только в сводницы подалась, но и модельным агентом стать хочешь? Напомни, зачем тебе этот диплом?

– У меня глаз на внешность наметан! Не пропадать же такому таланту?

Подруга шутливо пихает меня в плечо, и мы, ещё раз рассмеявшись, выходим из аудитории вслед за Костенко. Я буду по ней очень скучать. Мы познакомились на первом курсе и сразу как-то нашли общий язык. Алла весёлая, непосредственная, иногда своей наивностью напоминает мне ребёнка. Но в то же время она очень добрая и настоящий друг. Очень надеюсь, что наша дружба будет длиться годами и мы не отдалимся, даже когда мне придётся уехать.

Нахмурившись, поправляю ремешок сумочки. Если у меня получится уехать.

Постукивая каблуками, выходим из университета на душную майскую улицу.

– Взять хотя бы твоего будущего мужа... – говорит Алла, опуская на нос солнцезащитные очки, и поворачивается ко мне.

– Кого?

– Дроздова! Он на третьем курсе вес поднабрал, раскачался в рост пошёл. Стрижку модную сделал, шмотки сменил. И сразу спрос у противоположного пола заимел. Танька из двадцать первой группы, встречалась с ним пару месяцев в том году. Рассказывала, там есть на что посмотреть и что пощупать. Говорила я тебе, есть у него потенциал. Я таких сразу вижу! А ты: «Он целуется как жаба». Умора.

– Да уж. Обхохочешься, – отзываюсь глухо, расстёгиваю пуговицы на пиджаке, стягивая его с плеч.

Что-то мне жарко. От погоды или оттого, что Алкин язык без костей опять болтает о Дроздове.

Украдкой оглядываю студенческую парковку. Насколько я знаю, Дроздов иногда приезжал на занятия на байке. Ни мотоцикла, ни Ромы в обозримом радиусе не нахожу. Куда он сбежал так быстро с последней преддипломной консультации? Кто ему позвонил? Он сказал, девушки у него нет. Наврал? А...

Так!

Что за ревнивые мысли, Канарейкина!

Пусть катается по своим делам и дальше. Через две недели наши жизни разойдутся по разным сторонам и концам света. Если, конечно, на землю не упадет метеорит, и Рома Дроздов вдруг не передумает и не станет моим фиктивным мужем.

– Вон из жабы какой принц получился. Теперь нос воротит, выбирает. А помнишь, раньше... – Алла хихикает и опускает очки на кончик носа. Смотрит на меня хитренько, продолжая посмеиваться. Улыбаюсь, слушая её. Классная она девчонка. – Раньше при тебе краснел, как варёный рак, и слова путал...

Знала бы Алла, как часом ранее её пугливый и строптивый Рома, заставил мои коленки позорно подогнуться, а мои губы почти раскрыться навстречу его. Почти...

– Ты в рекламные агенты и к Дроздову подалась? – хмыкаю, стараясь скрыть одолевающее меня смятение.

– Надо было его тогда себе брать, а не на смазливую морду Куликова вестись. Красивый, только мозгов одна извилина, которая умеет думать исключительно прямо. Шаг влево, шаг вправо – короткое замыкание, – продолжает подруга.

– Зато от Куликова у меня есть Зоя.

– Главное, чтобы интеллектом пошла в тебя.

За лёгкой болтовней мы доходим до кованых ворот, ведущих во внутренний дворик университета, и там расходимся. Алла бежит к своей белой новой «БМВ», а я бегу в сторону остановки, где меня ждёт белая и не совсем новая маршрутка.

Сажусь на свободное место у окошка и достаю из сумки телефон с наушниками. Краем глаза цепляюсь за мелькнувшую в окне знакомую коренастую фигуру своего бывшего. С удовольствием замечаю, что сердце стучит ровно и никуда не торопится. Я давно переболела Куликовым и пережила его предательство. С дочерью он видится не так часто, как ей хотелось бы, но деньги на содержание присылает регулярно.

Упрекнуть мне его не в чём. Но и иметь с ним что-то общее не хочется, наши отношения сводятся ежемесячно к нескольким сообщениям в мессенджере по поводу Зои.

Я немного приврала Дроздову: Женька не женат. Только я никогда не попрошу его жениться на мне, пусть даже и фиктивно.

Мы это уже проходили.

Пожениться мы планировали на следующий год, летом, после того как наша малышка отметит свой первый день рождения. Тогда мне было всего девятнадцать, и я верила в любовь до гроба. Одну единственную и на всю жизнь. Такую любовь, от которой захватывает дух, словно летишь в свободном падении и никогда не упадешь на землю, ведь за спиной растут крылья, готовые в любой момент поддержать тебя на высоте.

Женька Куликов был для меня именно такой любовью. Первым настоящим парнем, с которым у меня было всё. В том числе и незапланированная беременность. Он с самого начала был против аборта и решил разделить ответственность. Посоветовавшись с родителями, мы решили оставить ребёнка. Обе бабушки были на седьмом небе от счастья. А потом Куликов сбросил меня беременную с воздушных волшебных замков на твердую землю.

Закрутил роман на стороне, разбил мне сердце и оставил меня и нерождённую дочь, обделенными вниманием мужа и отца.

Мой папа, подполковник областного отделения полиции, ушёл в отставку на пенсию и с радостью молодого отца посвятил себя внучке. Так я смогла продолжить обучение. Залечить душевные раны и продолжить наслаждаться молодостью и студенческой жизнью, как и жизнью молодой матери-одиночки, в полной мере.

***

Дом встречает тишиной. Папа с малышкой, скорее всего, ещё на прогулке, а мама в свой выходной любит сходить на рынок за свежими овощами и фруктами, а потом обычно присоединяется к ним.

Вешаю сумку на крючок в прихожей и скидываю тесные туфли. Блаженно закрываю глаза, разминая пальчики. На кухне залезаю в кастрюльку, стоящую на плите, и запикиваю в рот кусок котлеты. Есть свои прелести в жизни с родителями, например, всегда полный холодильник еды! Но иногда категорически не хватает личного пространства. Особенно когда в старой двухкомнатной хрущёвке живёт четыре человека и одна кошка, а туалет и ванная совмещённые.

С рождением Зои родители отдали нам свою спальню. Предварительно сделав небольшой ремонт. Комната хоть небольшая, но очень светлая и солнечная. На подоконнике множество цветов, в основном мамины любимые фиалки. Рядом с окном мой старый письменный стол, заваленный бумагами и книгами. Кровать Зои придвинута к моей, переднюю стенку мы сняли. Игрушки разбросаны на ковре и кровати в ожидании своей маленькой хозяйки.

Сердце щемит.

Я прожила в этой квартире всю жизнь. Здесь прошло моё детство. Именно сюда мама и папа привезли меня с роддома в розовом клетчатом одеяле. В коридоре, на старом куске обоев, который папа специально оставил при ремонте, красуются отметины моего взросления. Маленькие чёрточки с именем, датой и ростом в тот момент. Рядом теперь есть точно такие же Зоины.

Как я уеду? Как оставлю всю свою небольшую семью? Дочь, маму и папу. Больше у нас никого нет. Так ли сильно мне нужна эта работа? Тем более после того как арабы выставили эти свои странные условия. Муж им нужен. Без мужа я им не нужна. Дурацкие правила.

Обвожу взглядом комнату и, вздохнув, иду к шкафу. Переодеваюсь в домашние шорты и майку. Волосы завязываю в высокий хвост. Достаяю ноутбук, надо внести правки в диплом. И, может, зарегистрироваться на сайте знакомств? Где вообще в современном мире люди находят вторую половинку? На улице? В парке на пробежке? Или в ТЦ во время закупки еды на неделю?

В замке проворачивается ключ, и в коридоре слышатся тихие голоса родителей. Выхожу к ним.

Папа наклоняется над прогулочной коляской и вытаскивает оттуда сонную, начинающую похныкивать Зою. Розовая панاما съехала набок, в ручке зажат букет из одуванчиков. Маленькая и милая. Моя малышка.

– Привет. Уснула? – спрашиваю, подходя ближе.

Снимаю панамку с маленькой головки и приглаживаю светлые мокрые волосы, любовно разглядывая сонное кукольное личико.

– Нагонялась, – смеётся мама. – Букет тебе собирала.

Разжимаю пальчики, освобождая цветы. Надо поставить их в вазочку, потому что после сна командирша обязательно будет их искать. Ничего нельзя выкинуть, если не хочешь потом слушать сорокаминутную истерику. Именно поэтому я храню все сломанные игрушки в отдельном пакете и бережно и не очень собираю все поделки и рисунки Зои.

– Вырубилась в лифте, – тихо произносит отец, покачивая малышку. – Дал ей пюрешку. Так и знал, что до дома не дотянет.

– Галопом неслись, – кивает мама. – Вот и укачало её по нашим тротуарам. Когда уже эти ямы заделают? Они каждый год на одном и том же месте появляются. Магия какая-то.

– Напишу в администрацию, – хмурится отец. – Пусть пошевеливаются. На детскую площадку даже песка не завезли, так и ковыряются мальки в прошлогоднем...

– Там не песок, а сплошные кошачьи фекалии, – фыркает мама. – Лена, протри ей ручки. Хватала ведь всё подряд!

– Давай её мне. Положу в кровать.

Аккуратно забираю свою совсем не тяжёлую ношу, прижимаю к себе тёплое тельце и вдыхаю родной запах. Пахнет ванильным печеньем и молоком. Целую влажный лобик. И ещё раз. Не могу... люблю до неба.

– Ляжешь с ней или придёшь пить чай? – шепчет мама и приподнимает вверх пакет. – Пирожки с капустой и устрицы с маком принесла.

– Приду. Новости есть, – шепчу в ответ.

– А я бы поспал, – бормочет папа и скрывается в ванной, где тут же начинается шуметь вода.

В кровати снимаю с Зои сандалики и стаскиваю носки, на пол тут же высыпается гора песчинок. Вот куда исчезает весь песок с детских площадок! Влажными салфетками протираю ладошки и, прикрыв малышку розовым одеялом, подкладываю под бок белого плюшевого мишку, который когда-то охранял ещё мои сны.

Тихо прикрыв за собой дверь, выхожу в коридор. На два с половиной часа тишина в доме обеспечена.

На кухне мама гремит посудой, накрывая на стол обед для папы и чай с булочками для нас.

Родители негромко препираются. Лёгкий ветерок шевелит тюль. В центре стола стоит небольшая баночка из-под солений, в которой устроились жёлтые одуванчики.

Присаживаюсь на свободный стул напротив папы и, подперев кулаком подбородок, ложкой мешаю горячий чай.

– Когда защиту поставили? – деловито интересуется мама, двигая ко мне тарелку с пирожками.

– Через неделю, если всё будет нормально...

– Конечно будет, с защиты ещё никого не отчислили, – хохотнув произносит отец. – Не трясись раньше времени. Как собеседование? Берут?

Если мама всегда переживала за мою учебу и была категорически против того, чтобы я переходила на заочку: «чему тебя там будут учить две недели в году?», то папа всегда переживает за моё дальнейшее трудоустройство. Связей у него много, всю жизнь проработал сначала в милиции, затем в полиции, но мне, как графическому дизайнеру, его связи совсем не помогут. В нашем городе нет нормальной работы, уж точно нет такого уровня, который предлагают арабы. Визитки рисовать и свадебные приглашения – это немного не то, чего я хочу от жизни. И папа это понимает.

– Берут, но выставили условие... – отвечаю уклончиво.

Как бы так подготовить родителей к внезапной новости о моём возможном фиктивном замужестве?

– Это ещё какое? Прививку от бешенства сделать? – шутит папа.

– Сан Саныч, дай послушать нашу дочь. Что там, Леночка? Что-то серьёзное? Может, не поедешь? Откажешься?

Мама опускается напротив и озабоченно глядится в моё лицо. Она втайне надеется, что я всё же останусь в городе и буду рисовать те самые визитки для её коллег. На визитках далеко не уедешь и семью не прокормишь. Мама говорит, счастье не в деньгах, и я тоже отчасти в это верю. Однако для комфортной жизни всё-таки деньги в кармане очень важны.

– Регина, вот именно, дай ей сказать. И не будет она отказываться. Нечего ей здесь торчать.

Прежде чем родители опять начнут горячо спорить – а обсуждение моего отъезда последнее время сводится именно к ссорам между ними – я быстро излагаю суть проблемы.

Папа к концу моего рассказа всё сильнее хмурит густые брови, мама напротив – поднимает свои всё выше и выше. Она напоминает мне в этот момент Дроздова, он реагировал точно так же. Разве что за сердце не хватался.

– В общем, – подвожу неутешительный итог, перестав наконец мучить остывший чай. – Мне нужно найти мужа и как можно скорее.

– М-да, – озадаченно тянет папа и подергивает мочку уха, бросая взгляд на маму. – Может, какого-нибудь лейтенанта молодого из отделения попросить. Не в службу, а в дружбу. Мне не откажут, дочь, ты же знаешь. И вопросов лишних не будет.

– Нужно, чтобы он смог ко мне приехать, если что... для поддержки легенды, понимаешь? А твоих могут не выпустить из страны, – говорю я.

– Всё равно поспрашиваю. Сейчас наберу Михалычу, проконсультируюсь.

– Пап, давай не будем пока рассказывать всем, что я собираюсь фиктивно выскочить замуж в ближайшие две недели и нахожусь в поисках мужа. Чем меньше народу знает, тем лучше.

– Тоже верно. Регин, чего молчишь? – поворачивается папа к притихшей маме.

Она задумчиво жуёт губу, уставившись в окно. Я знаю этот взгляд и уже начинаю переживать.

– Я думаю, Сашенька. И, кажется, знаю отличное решение этой проблемы...

– Это какое?

– Потапов!

– Нет! – выкрикиваю протестующе, прежде чем мама успевает продолжить своё маркетинговое предложение. – Только не он!

– Георгий отличный вариант, – начинает мама свою вечную шарманку по подсовыванию мне в кавалеры сына своей давней знакомой. – И ты давно ему нравишься! Вот уж кто точно не будет задавать лишних вопросов. Я Галочке всё объясню, и мы устроим вам свидание! Пробное. Надо же искать выход. Ты постоянно сидишь дома, вот сходишь, развеешься...

– Мама-а-а... – страдальчески прикрываю лицо руками. – Он ест свои козюльки!

– Гоша давно этого не делает! Ему двадцать четыре, на минуточку!

– В четырнадцать он всё ещё их ел!

– Жорик и машину купил, – неожиданно поддерживает эту идею папа.

Стреляю в него взглядом. И ты, Брут!

Родители в два голоса начинают описывать и нахваливать мне достоинства будущего фиктивного зятя, очень вдохновившись этой идеей. Мне остается только молчать и в ужасе качать головой. Однако выбора особо у меня нет. Что-то я не вижу очередь из потенциальных мужей, которая поджидает меня за углом.

– Ладно, – произношу в конце рекламной акции, в которой не хватает только графика с диаграммой доходов Георгия Потапова, «который уже не ест козюльки».

«Отличный вариант» – это, конечно, мама погорячилась, но на безрыбье и на свидание с сыном маминой подруги сходить можно. Поэтому на следующий день, нарядившись в юбку канареечного цвета ниже колен и белую, с воротом под горло футболку, я захожу в модное кафе «Лофт».

Приветливая девушка-хостес проводит меня к забронированному столику, и я, традиционно опоздавшая на положенные пятнадцать минут, кривлю губы. Жорика нет. Сообщений от него тоже нет. Мы обменялись контактами через мам – дожила! – и вчера он прислал мне улыбающийся жёлтый лысый смайлик.

Опускаюсь на мягкий кожаный диванчик и подтягиваю к себе меню с напитками. Заказать вина в два часа дня будет слишком?

Громкий взрыв девичьего смеха отвлекает от изучения барной карты, рассеянно переводя взгляд на источник звука. И получаю удар в солнечное сплетение.

Через несколько столов от меня сидит Дроздов собственной персоной. Его как комары облепили смеющиеся блондинки, а Рома и рад! Ещё бы, такой улов: все как на подбор модель-

ные красотки. Он рассказывает им что-то, активно жестикулируя, и улыбается во все свои ровные тридцать два, совсем не замечая, что я собираюсь прожечь в его лбу дыру.

4 Глава

Я не планирую на него пялиться всё своё потенциальное свидание, если оно всё же состоится. Жорик лучше поддать газу. Однако никак не могу справиться с внезапным торнадо эмоций, не утихающих внутри со вчерашнего дня. Как? Просто объясните мне: как Дроздов мог так измениться? Ладно, вырос... я как-то читала один труд английских ученых, где они рассуждали о том, что в среднем мужчины растут до двадцати семи лет. Во что я не очень верю, иначе по земле ходили бы великаны противоположного пола. Но если представить... что Рома может ещё подрасти, тогда я буду дышать ему в пупок? Сейчас моя макушка достаёт ему примерно до подбородка, и, как мы успели выяснить вчера, наша разница в росте идеально подходит для поцелуев.

С ростом разобрались, а что он сделал с лицом? О его скулы можно порезаться, контур челюсти очерчен настолько чётко, что даже сейчас со своего места я вижу, как работают его лицевые мышцы. Губы у него полные, мягкие и сладкие. Так, стоп. Опять свернула не туда. А глаза... глаза всегда добрые, улыбающиеся и тёплые, за исключением тех моментов, когда Рома Дроздов смотрит на меня.

В открытую изучаю довольного и беспечного Дроздова ровно до тех пор, пока обзор мне не загораживает пухлая официантка. Приходится несколько раз моргнуть.

– Определились? – бодро спрашивает девушка, но, наткнувшись на мой взгляд, немного сникает. – Или позже подойти?

– Да, я выбрала, – произношу медленно и, вытянув шею, пытаюсь заглянуть за её плечо. Чего они там смеются опять?

Очень любопытно.

Рома у нас такой прямо юморист? Девушки дружно хохочут, будто и правда что-то забавное услышали, а не хотят перетянуть внимание рослого светловолосого красавчика на себя.

– У нас неплохой бизнес-ланч. На второе цыпленок карри, очень рекомендую.

Встрепенувшись, возвращаюсь взглядом к меню, которое не успела толком прочитать. Была занята совсем не тем и почти забыла о Жорике, который всё-таки решил уведомить о своём опоздании, скинув сообщение с очередной кучей смайликов.

– Я буду тёплый салат с лососем и грушевый фреш. Можно сделать музыку немного громче?

Официантка оборачивается на очередной раздражающий взрыв смеха моделей и понимающе улыбается, смотрит на меня с сочувствием и жалостью. Непонимающе тарашусь на неё в ответ. Нечего меня жалеть. Мой кавалер, судя по пятничным пробкам потеет где-то там в своей новой машине. И я очень надеюсь, что Жорик Потапов сможет составить конкуренцию длинноногим девушкам, в обществе которых отдыхает Дроздов.

После вчерашнего позора меньше всего я хочу выставить себя ещё большей идиоткой.

– Они тут давно сидят, – доверительно сообщает девушка. – Может, хотите пересесть? На втором этаже есть открытая веранда.

– Нет, спасибо.

Мне и отсюда всё слишком хорошо видно. Жаль только, ничего не слышно.

Не понимаю, почему Дроздов вызывает у меня такой животрепещущий интерес. До вчерашнего утра его персона волновала меня на ноль целых ноль десятых процента. А сегодня у меня, возможно, разовьётся косоглазие – так часто пытаюсь смотреть вправо, что через несколько долгих минут запрещаю себе даже поворачиваться в ту сторону.

Неужели всё дело в недо-поцелуе, который буквально вышиб почву из-под моих ног? Мы даже не поцеловались по-настоящему. Потёрлись намного губами друг о друга, попробовали

на вкус. А воспоминаний столько, словно он засосал меня, как пылесос засасывает одинокий валяющийся под диваном носок.

Вздыхнув, листаю ленту в социальных сетях и проклиная опаздывающего Жорика, слишком болтливую Аллу с её навязчивой идеей сводничества и внезапно похорошевшего Рому, который никак не уйдет из кафе и из моих мыслей. Да что там похорошевшего, он буквально в один день превратился из скромного ботаника из моих воспоминаний на периферии памяти в сексуального фотографа с шестью впечатляющими кубиками на животе!

Откуда я знаю? Оттуда! Я прямо сейчас смотрю на них на экране своего телефона.

– Вот чёрт! – С громким стуком отбрасываю предательский гаджет на стол.

Моё терпение на исходе. Салата всё ещё нет, поэтому... в голову закрадываются мысли о том, чтобы сбежать.

– Лена! Ты ещё здесь!

Георгий вваливается в «Лофт» размахивая букетом из лилий. Не сразу узнаю его и даже пугаюсь. Вдруг это прикол какой-то?

– Жора? – спрашиваю, вероятно, у Потапова, который, широко улыбаясь, отрепетированным движением откидывает со лба длинную растрепавшуюся челку модной прически.

Прищурившись, слежу за его приближением. Узкие джинсы, футболка поло, белые кеды и виноватая улыбка на лице.

Это вселенский заговор? Почему вдруг все знакомые парни превратились в красавчиков? Когда мы виделись в последний раз, властелин козюлек страдал лишним весом, носил зелёную бандану и обожал клубничные молочные коктейли, которые я, к слову, терпеть не могу. Постоянно стонал, что ему жарко и он хочет в номер, поиграть в телефон. Мы тогда семьями отдыхали в Анапе и целых двенадцать дней провели бок о бок.

– Я, красавица! Боже, как я рад, Канарейкина! Извини, что опоздал. Это тебе!

Как назло, именно в этот момент блондинки решили взять перерыв и дружно потрескать салатные листья в своих цезарях.

Мой взгляд проскальзывает мимо лезущего обниматься Жоры и впечатывается в Дроздова. Который, обнаружив моё присутствие в одном с ним помещении, знакомо кривится, но отворачиваться не спешит.

Удержавшись от желания показать Роме язык или другую какую композицию из пальцев, я с трудом отворачиваюсь первой и, улыбаясь, принимаю белые пахучие цветы.

Естественно, чихаю.

– Будь здорова, Ленка!

– Спасибо. Очень красивые цветы, – говорю я.

С интересом рассматриваю парня напротив и откладываю букет ближе к открытому окну, игнорируя внезапное покалывание в затылке.

– Извини, что опоздал! – после затянувшейся паузы произносит Георгий, ёрзая на диванчике.

– Ты уже извинился. Ничего страшного. Работа?

– Да, кошку зашивал, – кивает Потапов и берёт в руки меню. – С шестого этажа рухнула, перепугала хозяйку. Что здесь есть пожевать?

– Ты всё-таки стал ветеринаром? – искренне удивляюсь.

Мои родители так нахваливали работу Жорика, что я думала: он либо врач, либо юрист, либо подпольный миллионер. Чего они так в него вцепились? Семья у Потаповых самая обычная. Не видят для меня другого варианта? Предательство Куликова больно ударило по всем нам. Папа и мама даже искали причины в себе: может быть, они были слишком навязчивы в общении с Женей, давили. Ничего подобного, конечно, не было. Просто мой бывший – трусливый козёл.

– Да, как и мечтал. Два года уже практикую. Планирую в следующем отделиться от клиники, в которой работаю, и открыть свой кабинет. Клиентскую базу как раз наработал. Ты что заказала?

– Салат. И для него, видимо, овощи с грядок добывают, – бормочу, гипнотизируя салфетницу.

Модельки опять смеются. Рома сегодня в ударе.

Потапов бросает взгляд на шумную компанию, но его, видимо, длинные девичьи ноги в количестве десяти штук не интересуют. Спустя несколько секунд он уже смотрит на меня и добродушно улыбается, складывая руки на столе.

– Ну, как дела, Ленка? Рассказывай, сто лет тебя не видел. Мамка говорит, у тебя малая есть. Фотки покажешь?

И я осторожно начинаю рассказывать, показываю фотографии Зои и болтаю о дипломе. На удивление Потапов слушает внимательно, иногда задаёт наводящие вопросы, поддерживая беседу. О нём мы тоже разговариваем. И всё так гладко проходит, что я почти забываю о Дроздове, увлечшись интересным собеседником.

Выходит действительно неплохое свидание.

Я сто лет на них не была!

Для лилий приносят вазу, а в конце обеда официантка к кофе подает комплимент от шефа в виде муссового пирожного.

Настоящую причину нашей встречи мы не обсуждаем. Не знаю, что ему сказала его мама, а ей – моя. Я немного стесняюсь и чувствую себя неловко, прокручивая в голове фразы: «Жора, тут такое дело... мне нужен фиктивный муж. Хочешь им стать? Место вакантно.» Вчера, зажимая в углу Дроздова, я почему-то совсем не стеснялась. Вчера я вообще не думала.

– Ты потом куда? Могу подбросить, – говорит Жора, когда нам приносят счёт и он, как истинный джентльмен, берёт оплату на себя. – Или хочешь ещё погулять?

Смотрит с интересом чётко в глаза. Никакого оценивающего или прожигающего взгляда, каким вчера наградил меня Рома. Чисто деловой подход.

– Можно, – отвечаю уклончиво, поговорить всё-таки нужно. Нет времени растягивать всё до третьего свидания. – Мне нужно в дамскую комнату.

– Буду ждать на парковке. У меня серебристая «хонда», – улыбается Потапов, довольный моим ответом.

Он забирает мои цветы и, расправив плечи, пружинистой походкой двигается к выходу. Может быть, с Жориком и получится договориться.

Обвожу взглядом зал кафе и украдкой смотрю в сторону столика Дроздова. Пусто. Даже грязных тарелок уже нет. И давно он ушёл? Я так увлеклась своим почти настоящим свиданием, что даже перестала реагировать на звуки хохота блондинок. И Рому упустила из поля зрения.

Припудрив носик и нанеся на губы прозрачный блеск, встряхиваю волосами смотрю на себя в зеркало.

Моё настроение заметно улучшилось. Вот что делает с девушкой крупница мужского внимания. Перекинув сумочку через плечо, с лёгкой улыбкой бегу в сторону выхода.

Дверь в кафе неожиданно распаивается, и я, не успев затормозить, стремительно влетаю в высокую мужскую фигуру. Покачнувшись на каблуках, начинаю отклоняться назад, когда большая ладонь ложится мне на талию, поддерживая.

– Куда так торопишься, Канарейкина? – усмехнувшись, спрашивает Дроздов и быстро убирает свои заgreбушие руки, пряча их в карманы светлых песочных шорт.

Не отходит, продолжает стоять близко-близко, нависая надо мной как гора. Мне приходится вздёрнуть голову вверх, чтобы встретиться взглядом с его хитрыми глазами, не забыв при этом отметить, какие у Ромы пухлые и чувственные губы.

Чёрт. Они меня манят и манят. Наваждение какое-то. Может быть, стоит поцеловаться с Жориком, и Дроздов волшебным образом испарится из моих мыслей?

– К своему парню, – произношу, не подумав.

Бровь Ромы насмешливо выгибается.

– Ещё вчера у тебя его не было.

– Всё быстро меняется. Не думал же ты, что я буду за тобой бегать?

– Совсем не думал, но было бы приятно, – подавшись вперед, говорит Рома.

– Мечтай!

– Ага, перед сном обязательно помечтаю.

Мы стоим друг напротив друга. Я – маленькая и воинственно настроенная, он – большой и невоспринимающий мои проблемы всерьёз. Если сейчас я встану на носочки, закину руки ему на шею и притяну к себе, что он сделает?

– С кем ты здесь был? – спрашиваю вместо этого, не торопясь уходить.

Переминаюсь с ноги на ногу.

– С будущей невестой и её подружками, – без промедления отвечает Дроздов и смотрит куда-то поверх моей головы в центр зала. – Планшет забыл, вот вернулся.

Сжигающая мои внутренности непонятно откуда взявшаяся ревность затухает. Это была рабочая встреча. Ничего такого. Не все пять девиц претендуют на Рому, но он явно их впечатлил не только своими фотографиями. Мы – женщины – умеем улавливать сигналы, направленные на мужчин, даже лучше самих мужчин.

– У тебя хорошие фотоработы. Мне нравятся.

Ромка переводит насмешливый взгляд на моё лицо и, протянув руку, вдруг щёлкает меня по носу. Как маленькую девчонку! Хмурюсь, уворачиваясь.

– Не подмазывайся, Канарейкина. Твою фиктивную свадьбу правда снимать не смогу.

– И не надо. Она же будет ненастоящая. В общем, извини меня, что набросилась вчера. Я была в растрёпанных чувствах и не знала, куда бежать.

Протягиваю руку и дружески похлопываю Рому по напряжённой руке. Я выстраиваю мостик мира! Вдруг когда-нибудь мне правда пригодится толковый фотограф? Вдруг когда-нибудь у меня будет самая настоящая свадьба с платьем, ведущим и трёхъярусным тортом?

– И ты меня извини за то, что набросился вчера.

Сглотнув, медленно моргаю, стараясь прогнать морок вчерашних воспоминаний о том, как именно на меня набросился Дроздов. Как его губы накрывали мои и наши дыхания смешивались. Моё сердце начинает биться быстрее.

Отдергиваю руку, ладонь внезапно начинает покалывать, и сжимаю пальцы, пряча её в складках юбки.

– Да... не стоило.

– Ага. Вообще не стоило, – тихо произносит Рома, уперев взгляд в мои губы.

Он, в отличие от меня, совсем не моргает.

– О! Вы вернулись! – радуется ему, как родному, знакомая официантка, останавливаясь рядом с нами. – Мы нашли ваш планшет.

И мы с Ромой одновременно шарахаемся друг от друга, отводя взгляд.

– Я пойду. Пока! – бормочу, разглядывая свои босоножки, и вылетаю из кафе.

– Встретимся на защите! – летит тихое в спину.

В салоне «хонды» прохладно, работает кондиционер, играет популярное радио, пахнет лилиями. Жорик ведёт непринуждённую беседу сам с собой, а я иногда что-то мычу в ответ.

Машина заезжает во двор и останавливается напротив моего подъезда.

– Я не ошибся? – спрашивает Жора, кивая на дверь с домофоном.

– Нет.

Потапов поворачивается в мою сторону, закидывая одну руку на руль. Вот теперь он заинтересованно и заигрывающе таращится на мои голые коленки. Одёргиваю юбку пониже. Вот он – идеальный момент для моего не особо заманчивого предложения.

– Погуляем как-нибудь ещё, Лена?

– Мне нужно выйти замуж, – произношу и поджимаю губы.

Георгий выглядит растерянным и зачем-то оглядывается по сторонам, оттягивая ворот своей тенниски.

Ясно. Его никто не предупреждал о том, что, заманив на безобидное свидание с дочерью маминой подруги, его сразу же потащат в загс.

– Сейчас? – как-то потерянно спрашивает Жора.

Вот сейчас он опять мне напоминает себя в четырнадцать. У него вечно было такое выражение лица. Испуганное и озадаченное.

– Ну, можно завтра. В общем, чем скорее, тем лучше. Фиктивно. Тебе что, Галина ничего не рассказывала?

– Мама ничего такого не говорила. Ленка, ты ничего такая...

Ага, а ещё два часа назад была «красавицей»! Быстро мне снизили планку.

Складываю руки на груди.

– И дальше что?

– И я думал, что мы, ну это... погуляем там, потом ещё разок... потом ко мне поедем.

– А потом ты затащишь меня в койку, и я больше тебя не увижу? – подсказываю ему, скептически выгибая брови.

Потапов облегченно выдыхает.

– Да! Слушай, жениться сейчас я не могу. Даже фиктивно. Это же в загс надо идти? – пискляво выдыхает Потапов.

– Да никто и не заставляет, Жорик. Чего ты испугался? Ладно, спасибо за обед. И всего хорошего!

Схватив сумочку, вываливаюсь на душную улицу, под палящее солнце. Не обнаружив на голове солнечных очков, тихо ругаюсь. Потеряла где-то.

– Я не боюсь, – бурчит обиженно ветеринар, высовываясь в окно. – Это просто очень неожиданно! Мне надо подумать! С мамой поговорить!

– Не о чём думать, Жорик! Я уже вычеркнула тебя из своего списка.

– И насколько длинный список у тебя, Канарейкина? – ехидно.

– Приличный! Есть из кого выбрать.

– Я тебе позвоню!

– Не стоит, Жорик!

Взбежав на свой этаж, прислоняюсь лбом к прохладному металлу двери, ведущей в квартиру, и понуро опускаю плечи. Оказывается, поиски фиктивного мужа ужасно выматывают.

Вечером созваниваюсь с Аллой. Мы долго болтаем по видео, перебирая в памяти знакомых парней. Зоя крутится рядом и устраивает целый концерт для моей красивой – даже в банном халате – подруги. Дочь считает Волкову принцессой, потому что та часто носит широкие красивые ободки, которые ассоциируются у моей малышки исключительно с короной.

Уложив Зою в кроватку, читаю ей любимую сказку до тех пор, пока она не начинает тихо сопеть и не перестаёт вертеться как юла.

Только тогда в ночной тишине квартиры я позволяю себе немного жалости к своей собственной персоне. Если до конца этой недели я не найду парня, который согласится жениться на мне, то от работы придется отказаться. Арабы долго ждать меня не будут... у них и так рынок вакансий переполнен.

Вздыхнув, переворачиваюсь на бок, складывая руки под щеку. Мне почти удастся уснуть, как вдруг телефон, лежащий на тумбочке, начинает настойчиво вибрировать.

В ночное время мне давно никто не звонит, даже сотрудники сомнительных «банков» и косметических компаний.

Номер незнакомый.

– Алло? – спрашиваю тихо.

– Канарейкина? – доносится сквозь помехи.

Убираю телефон от уха и непонимающе смотрю на экран, запоминая цифры.

– Дроздов?

5 Глава

– Я разбудил?

– Не совсем. Подожди, пожалуйста.

Ночные звонки всю жизнь ассоциируются у меня с чем-то либо очень плохим и трагическим, либо, наоборот, романтичным. Но где мы с Дроздовым, и где романтика?

Взглянув на спящую и безмятежно раскинувшую во сне ручки малышку, тихо выскальзываю из кровати, а затем и из комнаты. Прохожу на кухню и, не включая свет, останавливаюсь у окна. В соседних домах кое-где ещё горит свет.

В трубке слышатся какие-то приглушённые голоса, посторонние звуки и взрывы хохота. Дроздов шумно дышит. По спине змейкой ползёт холодок. Я вдруг пугаюсь не на шутку. Откуда у него мой номер? И почему он звонит мне? Нас нельзя назвать друзьями, даже приятелями – с натяжкой.

– Ром, ты здесь? Ты где?

– В участке, – звучит короткое в ответ, и опять наступает тишина.

Думаю секунд десять, бегая взглядом по пустынному двору своего детства. Кажется... до меня начинают доходить мотивы Ромы. Реально? Всё так просто?

– Я так понимаю, не на дачном у своих родителей жарить шашлычки? – не могу скрыть яда в голосе.

Кажется, Дроздов это понимает, потому что в трубке раздаётся невесёлый смешок.

– Нет, Канарейкина, не на дачном. А в полицейском участке.

Тяжело вздохнув, опускаюсь на стул, подтягиваю ногу к себе и кладу на коленку, в ожидании занимательной истории. Такой звонок в моей жизни далеко не первый, и думаю, не последний... Иногда в жизни бывают такие ситуации, когда люди вспоминают о выгодных знакомствах, которые могут им помочь в сложные моменты.

Как-то мой бедовый одноклассник Егор Поляков угнал машину у собственного отчима. Мать его перепугалась и, конечно, вспомнила о моём отце, который один раз помогал вешать шторы в нашем классе. На уши весь город поставили, целый план «Перехват» разработали, чтобы бедолага не успел кого-нибудь переехать. Отделался Егор ссадинами на лице и испугом, а не чем-то более серьёзным.

И таких историй в нашей семье полно. То двоюродный брат связался с плохой компанией и его надо было вытаскивать из обезьянника, то моя мама так спешила на работу, что перешла дорогу в неполюженном месте, и целых полчаса стражи порядка компостируют ей мозг, пока она не вспомнила, кто её муж.

– Что случилось, Дроздов? Помощь нужна?

– Нужна, – устало говорит Рома, и я словно отчетливо вижу, как он проводит ладонью по лицу, запуская её в волосы, и чешет затылок.

Он часто так делает, когда стесняется или озадачен. Откуда я это знаю? Всё с того первого нашего свидания.

– Ты в порядке? – спрашиваю, нахмурившись, и бросаю взгляд на часы.

Почти полночь.

Папу не хотелось бы тревожить и поднимать из постели по пустякам, но до утра ещё очень долго.

– Я – да. Могу я попросить тебя об одолжении? Твой отец не может позвонить в участок и попросить отпустить моего брата? – чуть замявшись, произносит Дроздов.

Отлично. А я вам о чём говорю? И так каждый раз. То брату нужна помощь, то свату, то троюродной тетке по линии отца. Одно радуется: в неприятности, видимо, вляпался не Рома,

а его родственник. От сердца немного отлегло, и я только сейчас поняла, насколько сильно у меня напряжена спина и вспотели ладони.

– Да ладно, Рома? Правда? Ты просишь меня об одолжении? Срочном? – спрашиваю ехидно.

– Лена, – Дроздов опять вздыхает, словно всё его дико задолбало. – Не время выяснять отношения. Давай поговорим позже и забудем на время старые обиды.

– А я и не обижаюсь, но не понимаю, о чём нам разговаривать? Например, о том, что мне всё ещё нужен муж, а тебе внезапно понадобились связи моего папы? Ты меня отшил, когда помощь нужна была мне.

– погоди, только сегодня днём ты сказала, что нашла мужа... – осторожно произносит Роман. – Свадьба, фотограф, тот мужик в ресторане.

– сделка сорвалась, – отвечаю уклончиво и прикусываю костяшку указательного пальца. – И я опять свободна.

Решаю оставить подробности при себе. Не объяснять же, что Потапов оказался маменькиным сыночком, несмотря на изменения во внешности.

В трубке повисает тишина, которая кажется мне просто оглушающей. Буквально чувствую, как мысли Ромы циркулируют у него в голове.

– Твою мать, – страдальчески тянет Дроздов и, судя по глухому стуку, несколько раз бьётся головой о стену.

– Так в каком вы участке, говоришь? – спрашиваю, вскочив на ноги, воспринимая отчаянный стон Ромы как полную капитуляцию. – Не переживай, Ромочка, утром обговорим условия.

– Я ещё не согласился.

– Да? Так мне повесить трубку или пойти будить папу?

– Фамилию я тебе свою не отдам.

– Договорились.

Перед тем как пойти будить отца, я записываю адрес участка, его номер и имена сотрудников, с которыми имел дело Дроздов. Когда он предложил им денег, брата выпустить отказались, а Рому вообще попросили удалиться.

– Кто же так в лоб предлагает взятку?!

– Лена...

– Ладно-ладно. Как он туда попал? Что именно сделал?

Рома начинает бегло рассказывать, но толком он тоже ничего не знает.

Тему брака больше не обсуждаем, шутки тоже не шутим, чувствую, Дроздов переживает за брата и просто так не стал бы звонить мне ночью и просить об услуге. Да и вообще, если он решил позвонить именно мне, видимо, вариантов у него было мало. Мне передаётся его тревога, парнишка ещё несовершеннолетний и, как я поняла, попал в дурную компанию. Отца у Дроздовых-младших нет.

Прощаемся сухо, я обещаю скинуть ему сообщение после разговора с папой.

Возвращаюсь в комнату проверить, как там малышка. Укрыв её тонким пледом, который Зоя всегда умудряется скинуть с себя и скомкать, я быстро одеваюсь. Натягиваю старые линялые джинсы и толстовку прямо поверх пижамной майки. Если не получится решить проблему по телефону, я собираюсь поехать в участок вместе с папой. Ромка от меня так просто не отделается, нужно его хватать, пока тёпленький и не успел передумать и соскочить. Да и просто беспокойно мне как-то. Не смогу сидеть дома, зная, что выдернула отца из кровати и он в ночи решает проблемы совсем чужих людей, которые его не касаются.

И за Рому внезапно тоже переживаю. Мне вдруг кажется, что он очень одинок. Не знаю, с чего мою голову посещают такие мысли. Ведь сцена сегодня днем в кафе кричала совсем об обратном.

Завязав волосы в куцый хвостик, пробираюсь в родительскую спальню и шёпотом обрисовываю ситуацию сонному и ничего не понимающему отцу.

– Господи, Ленка, первый час ночи... до утра не терпит? Иногда полезно ночь в обезьяннике провести.

– Папочка, ну, пожалуйста, помоги! Это не тот случай!

– Малой никого не прирезал там? – спрашивает он, откинув одеяло. – Уголовка или просто дебошир мелкий?

Возвращаемся на кухню, где я тут же ставлю чайник и достаю из шкафчика папину любимую кружку и печенья, посыпанные сахаром и корицей. Подлизываюсь, начиная суетиться и стараясь не греметь посудой.

Папа, почёсывая живот, пытается держать глаза открытыми, садится на стул. И включает свой мобильник, лениво пролистывает контакты в телефоне. Никуда не спешит. Я буквально чувствую, что надо поторапливаться! Переживаю за чужого несчастного ребёнка, именно так я представляю брата Дроздова в данный момент. Он же, наверное, такой же, каким ещё недавно был его старший брат: щуплый, худой и низкий. Нескладный подросток, вышедший за банкой газировки и пакетом чипсов из дома в перерывах между сериалами и компьютерными играми.

– Рома сказал: просто был в неподходящее время в неподходящем месте. За девушку заступился.

Хотя эта картина совсем не вяжется в моей голове с той, что я успела себе нарисовать. Щуплый подросток полез бы в драку, если силы были значительно неравны? Или он эдакий рыцарь, любого порвет за честь дамы? А девушка где? Исчезла? Почему её, как свидетеля, не допросили?

– А Рома это у нас кто? Первый раз слышу про какого-то Рому, – ворчит папа.

– Твой будущий зять. Вот я записала всё, что нужно...

– Вот те раз. Когда мы спать ложились, зятя у меня ещё не было и в помине, – присвистывает отец, тянет руку и забирает у меня бумажку с нужной информацией, быстро читает мои каракули. – Нам точно нужны уголовники? Может, ещё поищешь варианты, без приводов?

– Он не уголовник, да и брат его тоже. Думаю, это всё недоразумение, – неожиданно для себя кидаюсь на защиту Дроздовых.

Папа хмыкает и прикладывает телефонную трубку к уху, жестом приказывая мне помолчать. Пристраиваюсь на стул рядом.

– Ну как скажешь... Мешков, это Канарейкин, подскажи, кто у вас в отделении сейчас правит балом?

Спустя двадцать минут решено было ехать в участок и спасти будущих родственников очно, по телефону проблему решить не удалось.

Маму пришлось разбудить и попросить перелечь к Зое, заверив её, что ничего страшного не случилось и мы скоро вернемся.

– Староват я уже для таких приключений, – произносит папа и откровенно зевает, барабанив пальцами по рулю.

– Да ладно, признайся, что ты в восторге, – хмыкаю я.

Папа засиделся дома.

Его служба в органах была очень яркой и динамичной, наполненной событиями, конечно, не всегда приятными. Однако ему нравилось быть в движении, на связи, быть нужным не только дома. После такого легко заскучать, прогуливаясь с внучкой по парку и лепя куличики в песочнице, орудуя пластиковой лопаткой. Он ни разу не жаловался, сам выбрал уйти в отставку и на пенсию, но иногда я вижу, с какой тоской он смотрит свои старые служебные фотографии и рассказывает нам с мамой различные истории из своей практики.

Мне даже показалось, что отец мог договориться об услуге с бывшими товарищами по службе, не вылезая из постели, но ему было интересно посмотреть на Рому и поучаствовать

в деле. Вспомнить былое и побыть в гуще событий. А я не в силах сидеть и ждать дома, пока мой будущий фиктивный муж и папа знакомятся в полицейском участке. До чего они могут там договориться без меня? Даже думать не хочу. Лучше всё проконтролировать самой.

– Признаюсь, только матери не говори, – подмигивает мне папа и широко по-мальчишески улыбается.

К отделению, находящемуся на другом конце города, мы добираемся по пустым ночным дорогам за полчаса. По пути я скидываю Дроздову несколько сообщений и, судя по сухому «ок», он не очень радуется перспективе нашего ночного свидания в столь интересном месте. А про обстоятельства вообще молчу.

Рому вижу сразу. Он широкими шагами мерит пространство около тускло подсвеченного участка дороги, крутя между пальцами незажжённую сигарету. Хмурюсь, глядя в его серьёзное лицо. Не знала, что он курит.

Заметив паркующуюся машину, Рома останавливается. Засунув руки в карманы серой толстовки, смотрит исподлобья прямо на меня через стекло. Сердитый и нервный. Даже отсюда я вижу, как напряжены его плечи, да и вообще всё тело. Что-то мне уже не очень хочется выходить из салона.

Последний раз, когда я видела злого Рому, он накинулся на меня с поцелуями. В этот раз вроде и не я его довела, и вообще ни при чём. Почему же мне кажется, что он всё равно злится на меня? Облизнув губы, отстёгиваю ремень безопасности и киваю парню.

Выбросив сигарету в переполненную урну, Рома идёт к нам.

– Это он, – шепчу, словно Дроздов может меня услышать.

– Высокий, плечистый. Хороший генофонд!

– Папа!

– Что сразу «папа», сама сказала, что будущий зять!

– Липовый! – решаю напомнить на всякий случай столь важную деталь.

– Ну, посмотрим-посмотрим. Идём знакомиться.

Пока мужчины обмениваются рукопожатием и перебрасываются парой слов около капота, я мешкаю. Опускаю зеркало и быстро смазываю губы гигиенической помадой, которую нашла в кармане толстовки. Всё-таки к мужу иду. Будущему. Фиктивному. Точно.

Папа, получив нужную информацию и небольшой конверт от Дроздова, направляется к участку, а Рома теперь оборачивается ко мне. Выждав несколько секунд, пока папа отойдет подальше, тоже начинает двигаться.

Рома останавливается около моей двери и дёргает ручку на себя. Руку как галантный джентльмен не подает. Не то чтобы я ждала именно этого, но уж точно не того, что меня запихнут назад в машину.

– Эй! Чего творишь?

– Останься в машине, Лена. Нечего тебе туда ходить, – серьёзно произносит Дроздов.

– Я одна здесь не останусь!

Опускаю ноги на асфальт, он забрасывает их назад и, нагнувшись, чуть ли сам не залезает на моё сиденье, просовывая голову в салон. Пытаюсь вытолкнуть эту гору мышц назад, надавливая на стальные плечи. Рома в ответ пытается пристегнуть мой ремень безопасности, громко чертыхаясь.

– Канарейкина, угомонись!

– Дроздов, выпусти меня! – шепчу в ответ, воинственно сдувая с лица выбившиеся из хвостика пряди волос.

– Я за тебя переживаю, сумасшедшая.

– Не надо за меня переживать...

Его лицо оказывается совсем рядом, в опасной близости, опять нагло и беспринципно врывается в моё личное пространство. Пухлые чувственные губы сжаты в одну линию, под

светло-кариими глазами, сверкающими направленным на меня гневом, залегли тени. Денёк, вернее ночь, выдалась у Ромы ещё та. И ещё я отказываюсь его слушаться.

– ... я же буду с тобой, – выдыхаю, замерев.

– Со мной, – эхом повторяет Рома.

Черты его лица немного смягчаются, а взгляд теплеет. Смотрит на меня как-то иначе.

Мои руки всё ещё упираются в его плечи, его ладони придерживают мои бёдра, кожу под ними начинает покалывать даже через толстую ткань джинсов. Вся наша поза кричит о двусмысленности и чертовской близости, переходящей за грань, но никто из нас не делает попытки отстраниться.

Хочу погладить по всклокоченным на голове Ромы волосам, пробежаться пальцами по колючей щетине и надавить подушечками на сжатые губы, заставив их расслабиться и приоткрыться. Несколько раз оторопело моргаю, потому что в ужасе оттого, что собираюсь сделать именно это. И, наверное, так и сделала бы, если бы не тихое покашливание отца, которое возвращает нас с Ромой в реальность, где мы не одни.

Округляю глаза.

– Чёрт!

Дроздов ударяется головой о крышу машины и поспешно вылезает наружу, оставив меня наедине с внезапной с распирающей теплотой в груди.

– Роман, ты мне нужен внутри, – говорит папа, тактично не задавая лишних вопросов, и не смотря в нашу сторону.

Он с интересом рассматривает кусты и клумбу рядом с участком.

Ромка, кажется, вспомнил первый курс и как краснеть, в темноте это не особо видно, но его щеки немного порозовели. Он стреляет в меня убивающим взглядом, а я просто пожимаю плечами, пряча улыбку.

– Иду.

– Я с вами.

Никогда не бывала до этого в полицейском участке ночью и, переступив его порог, понимаю, почему Дроздов настойчиво не хотел меня сюда пускать. Контингент тут, мягко говоря, странный. Подбитые физиономии, жуткий запах, странные женщины, кое-кто даже спит на лавке, накрывшись газетой.

Опасливо оглядываюсь и натываюсь взглядом на облизывающего разбитые губы бомжевидного алкаша, который мне вдруг пошло подмигивает и улыбается, обнажая грязные зубы. Приходится прибавить шагу и схватить Рому за рукав.

Дроздов недоуменно смотрит на мою руку и закатывает глаза. Отцепляет мои пальцы от ткани толстовки и, не успеваю я возмущенно пикнуть, как Рома перехватывает мою ладонь, крепко сжимая в своей.

6 Глава

– Не отстаём, молодёжь!

Папа явно попал в свою стихию: расправил плечи и широким шагом двигается по длинному коридору в сопровождении тучного краснолицего майора. Мы с Ромой только успеваем ноги переставлять и следовать за ними.

Он всё ещё держит меня за руку и хмуро смотрит на всех сомнительных личностей, попадающихся на нашем пути. Мне от этого так приятно становится, хочется прижаться к Роме ещё ближе. Может, даже пусть обнимет меня, хотя бы за плечи? А чего? Мы же пару изображаем, нам и так притворяться несколько месяцев перед остальными, как мы друг от друга без ума. Если вдруг наш тайный брак станет достоянием общественности. Но он ведь не станет? И притворяться не придётся?

Утром, когда история с полицией будет забыта и мы выспимся, придётся обсудить детали сделки. Главное, чтобы Рома не отправил меня в дальнейшее пешее путешествие. Хотя он совсем не такой человек.

Приподняв голову, стараюсь заглянуть в серьёзное лицо Дроздова. Он, уловив моё движение рядом, встречается со мной взглядом, вопросительно приподнимая брови. Мол, что у тебя опять случилось? Да в принципе ничего не успело произойти, я просто хотела на него посмотреть.

Я пожимаю плечами, мол, всё окей, и Рома, улыбнувшись, сжимает мои пальцы сильней.

Стыдно признать, что рядом с ним, с почти незнакомым чужим парнем, которого я буквально вынуждаю жениться на год, мне спокойной и уютно. Он крепко держит меня за руку и молчит. И мне нравится, как он это делает.

Папа улыбается, здоровается с людьми в форме: с некоторыми просто кивком головы, другим пожимает руки. Как выясняется, ночью в полицейском участке жизнь кипит почти так же бурно, как и днём. Я бывала у него на работе несколько раз, ещё подростком. Нашему классу даже экскурсию проводили – с легкой руки Александра Канарейкина – в центральное отделение полиции и рядом стоящую пожарную часть.

– Роман, со мной пройдёшь сейчас. Я так понимаю, ты опекун Алексея? – спрашивает папа, тормозя в конце коридора у двери без таблички.

Сопровождающий нас «опер» заносит кулак и робко постукивает по дверному полотну, а затем и скрывается за ним. Я что-то начинаю нервничать. В коридоре полумрак и, кроме нас, ни души. Чувствую себя какой-то непойманной преступницей.

– Нет, у нас есть мать, но её не хотелось бы ставить в известность, – серьёзно произносит Рома.

По чуть хриплому, напряжённому тону его голоса понимаю, как он переживает за брата, почти ничем не показывая этого внешне. Настала моя очередь сжать его руку. В ответ получаю скупую ласку в виде поглаживания большим пальцем моей ладони. На меня он не глядит, даже головой не ведёт, сдержанно смотрит на папу.

– Под трибунал подводишь, – хмыкает тот и весело нам подмигивает. Показывая, что его ночное приключение совсем не тяготит, скорее веселит, и будет что рассказать завтра приятелям на детской площадке. Вот уж кто точно совсем не переживает.

– Если нужна ещё сумма, я могу добавить, но не сегодня... день-два, и она будет.

– Сейчас узнаем, нужно ли ещё что-то. Ты сейчас со мной зайдешь, опишешь ситуацию, как всё было, если надо, пару подписей поставишь. Парень твой всё-таки несовершеннолетний. Мать кем работает?

– Медсестра в областной больнице, сегодня на смене как раз.

– В бюджете значит работает, отлично. Будем давить на жалость, – себе под нос говорит папа и показывает Роме кивком головы на дверь, веля заходить. – Лена, Христом Богом прошу, не двигайся с этого места ни на шаг. Выпущу к тебе Романа, так быстро, как это будет возможно.

– Я что, маленькая, пап? – произношу обиженно.

Мой папуля решает промолчать и отвернуться, а вот Рома, несмотря на всю свою напряжённость, скользнув по мне взглядом, коротко улыбается.

– Мы быстро, не волнуйся, – говорит он и заходит внутрь кабинета.

– Я и не боюсь, – бормочу в пустоту.

Боязливо оглянувшись, ёжусь. На мою удачу в этом конце здания тихо, почти безлюдно и относительно светло. За дверью слышатся приглушённые голоса отца и Ромы.

Остаюсь ждать, подпирая стену, обитую деревянными выдавшими виды панелями, и пролистывая социальные сети. Даже успеваю ответить на давнее письмо по поводу моего резюме, которое завалилось в папку «спам». Вот люди удивятся, получив ответ во втором часу ночи, но мне просто нужно себя чем-то занять.

– Да это зятёк мой будущий, ручаюсь за семью, – вдруг слышу голос папы. – Отличные пацаны. Что старший, что младший!

– Боже...

Папа, ну зачем ты так!

Я уже представляю, с каким лицом там за дверью сидит Рома. Кожей чувствую, как на мою бедную высветленную по последней моде голову сыплются проклятия.

Дверь открывается, и выходит Дроздов. Я пытаюсь слиться со стеной, потому что его грозный насуспенный вид не сулит мне ничего, кроме очередной взбучки от будущего-фиктивного-липового мужа.

– Идём, – сухо произносит Рома и, не сбавляя шага, проносится мимо, оставляя после себя шлейф древесного запаха своей туалетной воды.

Спешу за ним, засовывая телефон в задний карман джинсов. И чего он злой такой?

Он высокий, ноги у него длинные, я тоже не коротышка, но за злым Ромой совсем не поспеваю, так и плетусь сзади.

– Куда? А брат где? Отпустили?

– Сейчас выведут. Слышала уже, за родственников твой отец впрягается.

– Спасибо бы лучше сказал! – шепчу я, тоже начиная заводиться.

Хочется швырнуть что-нибудь в широкую спину, маячащую впереди, или в коротко стриженный затылок. Он даже не оборачивается на моё замечание, лишь фыркает, пренебрежительно так, неприятненько.

– Спасибо, Канарейкина, очень помогла!

Дроздов тормозит на проходной и, что-то чиркнув в протянутой ему дежурным бумажке, продолжает своё движение к выходу. Я бегу за ним, несмотря на то что тоже теперь злюсь. И где его благодарность? Где вот эти обнимашки, о которых я втайне мечтала? Перед папой моим роль играл, а получил, что хотел, и всё? Опять превратился в болотного лешего?

Рома останавливается только около нашей машины. Поворачивается лицом ко мне и, засунув руки в карманы толстовки, ждёт, когда я к нему подойду. Сложив руки на груди, делаю это, поглядывая на парня исподлобья.

Над нашими головами тускло подмигивает единственный фонарь. В ветвях деревьев что-то шуршит, и я делаю ещё шаг ближе к Дроздову. Он, широко расставив ноги и чуть отклонив назад голову, смотрит теперь не на меня, а немного мимо. Думает о чём-то и шумно дышит.

– Деньги не взяли? – спрашиваю осторожно, решая, что я умная женщина и мне нужно затаскать Рому в загс через пару недель.

Могу и после пообижаться, со штампом в паспорте это делать спокойнее.

– Нет. Можешь купить себе фату! – говорит Дроздов и суёт мне в руки белый измятый конверт, который ещё недавно передавал моему отцу. – Вместо этого подполковник Гадков получил приглашение на нашу свадьбу, Лена.

– Купи себе лучше приличный пиджак! – Пихаю хрустящий конверт обратно в карман Ромы и, цепляясь за его толстовку, встаю на цыпочки, продолжая громко и агрессивно шептать: – Думаешь, я смогла бы папу просто так в ночи поднять из тёплой кровати, оставить маму и поехать на другой конец города? Пришлось признаться, что у нас впереди свадьба!

– Канарейкина, – наклонив голову и коснувшись губами моих волос, угрожающе шепчет Дроздов. – Ты же сказала, никто не узнает!

– Упс, – бормочу почти невинно. – Я и планировала, чтобы никто не узнал!

Опускаюсь обратно на пятки и обхватываю себя за плечи, стараясь унять табун мурашек, напавших на меня не то от ужаса, что фиктивная свадьба, видимо, будет не такой уж и тайной, не то от вновь повторяющейся внезапной близости Дроздова. Он опять стоит настолько близко, что его рука как бы невзначай задевает мою, когда парень запускает ладонь в волосы, ероша их.

На крыльце участка появляется несколько человек, привлекая наше внимание.

Папа, какой-то коренастый мужик в форме и незнакомый высокий парень. При виде его Рома облегчённо вздыхает и заметно расслабляется.

– Твой брат? – спрашиваю тихо. – Я, кстати, до сегодня не знала, что у тебя есть брат.

– Это неудивительно, Канарейкина. Что ты вообще обо мне знаешь?

– Не особо много, но и ты мои мемуары писать не нанимался.

– Тоже, верно. Лёш! – Рома поднимает руку, подзывая к нам брата.

Слежу за приближением парня, с любопытством разглядывая его. Ростом он примерно с Дроздова, может, только немного ниже, потому что, в отличие от брата, немного сутулится, поднимая плечи к ушам. Фигурой тоже покрепче брата, видно, что он занимается каким-то спортом, а не просто выглядит крупнее. Волосы светлые, цвет глаз в темноте не разобрать, но они определённо похожи.

– Здорово, – бормочет, останавливаясь рядом с нами. – Я Лекс.

Я робко улыбаюсь.

– Лена.

– Ты как? – озабоченно спрашивает Рома, оглядывая брата с ног до головы, словно хочет увидеть повреждения. – Рёбра целы?

Я тоже осматриваю Лекса. У него разбита губа и стёсаны костяшки пальцев. Увидев, что я смотрю на них, парень прячет руку в карман, явно не собираясь комментировать эти повреждения.

– Нормально всё, жрать хочу.

– Сейчас поедем. Лену проводить надо.

– Если вы торопитесь, езжайте, мы тоже скоро, – спохватываюсь и смотрю в сторону участка, где на крыльце в компании товарищей застрял мой родитель. – Завтра созвонимся?

А папа между тем уже начинает громко раздавать приглашения на нашу ненастоящую свадьбу и выглядит при этом крайне довольным собой. Ещё бы, мальчугана из-за решетки спас, бывших коллег на свадьбу дочери пригласил. Ночь удалась.

В ужасе округляю глаза, переводя взгляд на застывшего рядом Рому.

– Упс!

– Ромыч, ты скоро женишься? Офигеть! Мать в курсе? – удивлённо присвистывает Лекс и смотрит на меня уже с большим интересом, чем до этого. – Ничоси! Это не меня она четвергует за привод, а тебя – за то, что скрыл от неё невесту!

Ответным взглядом Дроздов-старший приказывает ему замолчать и не развивать больше эту тему.

– Да уж. Я и сам только недавно об этом узнал.

– Побольше радости в голосе! Побольше энтузиазма, – посмеиваясь, пихаю Рому в плечо. – Неужели я настолько плохая партия и не понравлюсь твоей маме?

Дроздов, сделав вид, что не услышал мой провокационный вопрос, утыкается в свой телефон. А мне вдруг становится интересно, о чем он думает в этот момент, потому что уголки его губ точно дернулись вверх.

– И как вы познакомились? – интересуется Лекс, вгрызаясь зубами в огромный трёхэтажный бургер.

Соус от этого навороченного бутерброда, способного накормить трёх девочек-подростков средней комплекции, летит во все стороны.

– Да, я бы тоже послушал, – невнятно произносит папа, уничтожая свой ночной завтрак.

Время четыре утра, а я в компании троих мужчин: папы, будущего мужа (липового, не забываем об этом!) и его брата – уплетаю местный круглосуточный фастфуд, удобно разложив еду на капоте нашей машины.

Папа наотрез отказался возвращаться домой, пока не накормит спасённого Лекса и не выведает у него грязные подробности его попадания в участок. А делать это лучше на полный желудок.

Нам с Ромой не осталось ничего другого, как молча подчиниться. Загрузились в машину: Лёша сел спереди, легко отвечая на допрос от моего отца, а мы с Дроздовым расположились на заднем сиденье. И он сел так, чтобы быть от меня как можно дальше. Даже колени свои подвинул, лишь бы не соприкоснуться, хотя с его длиной ног это было проблемно.

Я немножко обиделась.

То сам меня за руку берёт, согревая мои пальцы теплом своей ладони. То, не брезгуя, лезет целоваться, словно наказывая, но я знаю: на наказание его поцелуй был похож меньше всего. То вот нос воротит и сидит, уткнувшись в телефон. Хмурится так, что между бровей складка залегла и никак не расправляется.

Зевнув и почесав щёку, я бросаю быстрый взгляд на молчаливого и задумчивого Ромку. Он, гремя льдом в пластиковом стакане с газировкой, бесстрастно пожимает плечами, будто его всё жутко достало. И этот майский пикник на исходе ночи в том числе. Смотрит он исключительно на своего брата или моего папу. Я, видимо, чем-то успела провиниться, раз заслужила полный игнор с его стороны.

Поняв, что отвечать он не собирается и дальше жуёт свою жареную картошку, решаю взять беседу в свои руки.

– Мы вместе учились. Кажется, первый раз мы встретились первого сентября после линейки, тогда нас собрали кураторы. Вот там я Рому и увидела впервые.

– Это было второе сентября, – говорит Дроздов, поворачиваясь ко мне. – На Лене была синяя юбка и белая блузка с бантом у горла, а волосы она собрала в косу, обернув её вокруг головы. Или как эта причёска называется?

– Колосок, – шокированно произношу на выдохе.

Если меня спросить, что было надето на мне в тот день, я вряд ли вспомню. Столько лет прошло. А Рома вот помнит. И это... так странно, что неожиданно моё сердце подпрыгивает и ухает куда-то в район живота.

– А ещё туфли на шпильке, и она оступилась. Каблук попал в трещинку на асфальте и...

– И я подвернула ногу, ты подал мне руку, а потом помог доковылять до аудитории. Это было очень мило, Ром, – говорю тихо. – Спасибо.

В предрассветных лучах, заливающих стоянку около круглосуточного кафе всё кажется в разы драматичнее и прекраснее. Иначе как объяснить, что лицо Ромы, которое мало привлекало меня все эти годы, сейчас кажется идеальным? Я не могу отвести взгляд от Дроздова, с новым интересом рассматривая его, запоминая его правильные черты и стараясь не обра-

щать внимания на усиливающуюся тяжесть в груди и искривлённые в грустной усмешке губы парня.

– Пожалуйста. Могла сказать это и тогда, а не ждать подходящий момент в течение пяти лет.

Колючие и недружелюбные слова прокатываются морозом по коже, я растерянно ёжусь и опускаю глаза, рассматривая носы своих кед и кроссовок Дроздова. На первом курсе я была не очень приятной девицей. Корона на голове мешала, ведь в школе и детском саду я была местной «звездой», любимицей учителей, душой компании и объектом желания многих мальчиков. Посиделки у разбитого корыта – в лице Жени Куликова – хорошо спустили обратно на землю.

– Прости, – бормочу сдавленно и как-то скрипуче.

– Лена...

– Так, все доели? – врывается в нашу беседу громкий и хорошо поставленный голос папы. – Можно и по домам.

Я успела забыть о том, что мы с Ромой сейчас не одни, а рядом всё ещё находится его притихший младший брат и мой отец, и это не наше свидание, где мы делимся тёплыми воспоминаниями о прошлом. Совместных сцен в памяти с Дроздовым у меня всего несколько, и они не все хороши. Стоит только вспомнить наше свидание, за которое мне теперь перед ним особенно стыдно.

– Да. Я больше не хочу. Пойду в машину, – говорю я.

Стряхнув с рук остатки соли от картошки фри, тщательно вытираю пальцы под давящее молчание окружающих. Выбросив салфетку в бумажный пакет, я забираюсь обратно в прохладный салон автомобиля.

Лекс и папа собирают с капота последствия пира и вдвоём решают прогуляться до ближайшей мусорки. Дроздов, постояв немного у соседней двери, рывком открывает её и падает рядом на заднее сиденье.

Молчит.

Давяще так молчит, не как несколькими часами ранее в участке, когда от его молчания веяло уютом, спокойствием и защитой.

– Я была невыносима, да? – решаю первой нарушить тишину, изучая обивку подголовника на кресле спереди.

– Молода, глупа и очень красива, – не задумываясь отвечает Рома, и я так резко поворачиваюсь к нему, что простреливает затылок. – Что?

– Ты только что назвал меня глупой малолетней блондинкой!

В полумраке авто его глаза мерцают и переливаются влажным блеском. Папа и Лекс ушли выкидывать мусор, видимо, на луну, за что я им очень признательна. Мне нравится оставаться с Ромой наедине. Даже если в моменты уединения мы начинаем ругаться, вот как сейчас.

Дроздов вдруг улыбается. Широко так, по-настоящему. Протягивает руку и щёлкает меня по носу, как уже делал несколько раз.

– А ещё я сказал, что ты красивая. Это ты не услышала?

– Спасибо, – отвечаю благосклонно и, перестав жаться к своей двери, сажусь чуточку более расслабленно. – Не хочу, чтобы ты на меня злился за прошлое.

Рома считает меня красивой. Интересно, это распространяется и на сейчас? Когда я не накрашена, с растрёпанным хвостиком и в растянутой пижамной майке, которая выглядывает из выреза толстовки.

– Пожалуйста. Я и не злюсь за прошлое. А теперь, когда мы всё выяснили, скажи мне, Лена Канарейкина, кто будет оплачивать нашу липовую свадьбу, о которой раструбил твой отец?

7 Глава

– ...потом мы завезли их домой, папа настоял, думаю, он хотел посмотреть, где они живут. Еле уговорила его в гости не напрашиваться, от него так просто не отделаешься, сама знаешь. Утром я Дроздову написала сообщение, но он мне так и не ответил, – рассказываю Алле, в конце предложения получается уже не очень внятно, потому что я пытаюсь подавить очередной зевок.

Домой мы с папой вернулись под утро. Он бы ещё рад был покататься на машине и потратить мне рабочие байки, некоторые совсем новые, некоторые я уже слышала несчётное количество раз. Однако всё, о чём я мечтала после ночных приключений, – это встретиться с подушкой.

С рожка мороженого, оставленного мне на сохранение Зоей, капает сладкая липкая жижа. Я несколько секунд глупо смотрю, как она пачкает мою сумку и сандалии. Сонный мозг совсем не функционирует, потому что поспать мне сегодня удалось всего два часа. Потом дочь проснулась и потребовала к себе повышенного внимания и расчесать гривы всем семи её пони.

Выбросив рожок в ближайшую урну, принимаюсь шарить в сумке в поисках влажных салфеток.

– Держи. – Приходит на помощь подруга, протягивая новую пачку. – Вот это ночь! А ты говорила, скучно живешь! Блокбастер ведь!

– Ага, улицы разбитых фонарей называется.

– Точно... надо было снять видео из участка и залить в сеть! В ТикТок, например! – воодушевлённо произносит Алла, мечтательно хлопая глазами. – Знаешь, некоторые блогеры так неплохо зарабатывают. Разбор косметики, который я снимала от скуки, залетел на полмиллиона просмотров!

– А то я смотрю, ты озолотилась уже, – ворчу, оттирая розовые пятна с замшевых ремешков на сандалиях.

– Я давно тебе говорю, надо Зойку снимать, будешь грести баблo лопатой! И никакой Дубай не нужен. Чудо ведь, а не ребёнок! Буквально создана для камеры малышка. Если бы во времена, когда Алиса была маленькая, были популярны такие видео с детишками, я бы заспамила всю свою ленту.

Замолчав, мы одновременно засматриваемся на моё «чудо», которое выгуливаем в парке на детской площадке около торгового центра. Скоро Алле должны привезти её племянницу, и мы все вместе собираемся посетить детский центр, расположенный на верхнем этаже ТЦ «Армада». После этого я очень надеюсь, что мою неугомонную юлу сморит трёхчасовой дневной сон, а я смогу немного подредактировать диплом и сдать один заказ на визитки.

– Ты знала, что у Дроздова есть младший брат? – спрашиваю у подруги, неотрывно следя за тем, как дочь с визгом слетает с горки.

Ей всё равно, что на неё сегодня надели новое чистое платье, белые носочки и розовые сандалии с клубничками, ведёт она себя как истинная оторва. Бегает за мальчишками постарше, отбирает у них пистолеты и фигурки динозавров. Про своих любимых пони даже забыла, отдав их на растерзание девочкам в песочнице. Главное, не забыть их здесь, а то дома будет скандал.

– Конечно. Такой красавчик, не по годам развит, не то что его старший брат на первом курсе, да? Такое тело...

– Ну я бы не сказала, – отвечаю уклончиво, мне не хочется опять обсуждать гадкого утёнка Дроздова. – Откуда ты знаешь про его тело?

– Великая сила социальных сетей! Люблю я поглазеть на красивых парней.

– Ему шестнадцать, – напоминаю.

– Подумаешь, я замуж за него не собираюсь. Просто я визуальный эстет.

Переглянувшись, мы с Аллой в унисон смеёмся. У меня выступают слёзы на глазах и начинает сводить пресс.

– Мама-мама, смотри, как я могу! – кричит Зоя, обращая наше внимание на себя.

– Господи! – ахает Алла.

Зоя как мартышка повисла на самом высоком турнике и теперь болтает ногами, хохоча и считывая мою реакцию. Хватаюсь за сердце и, резко вскочив на ноги, бегу спасать мелкую проказницу, которую уже страшит чужая сердобольная мама.

– Она у вас такая ловкая. Глаз да глаз нужен, – говорит женщина.

– Да, я знаю. Спасибо, что присмотрели, – произношу я, снимая Зою.

Малышка сразу обвивает руками мою шею, ножками – талию, тыкается носом в щёку, как котёночек прося ласки. Отвожу светлые растрёпанные волосы с её порозовевшего на солнце личика и целую в липкую от мороженого щёку.

– Дети – это чудо, – фыркаю, присаживаясь на скамью рядом с Аллой. – Дай ещё салфеток, а то у меня ребёнок со вкусом пломбира.

– А где моя морженка, мам? – пытаюсь увернуться от моей салфетки, произносит Зоя.

Почему так происходит каждый раз, когда я решаюсь наконец выбросить старую половатную игрушку или кусок недоеденного яблока, который пролежал на столе несколько часов подряд? Обязательно кто-то маленький и очень смыслённый вспоминает о пропаже.

– Съела тетя Алла, – мастерски перевожу стрелки.

Зоя надувает губы и картинно сводит бровки на переносице, строго смотря на Аллу.

– Вот ты коза, Ленка, – хихикает та, а потом неожиданно сгребает нас с дочкой в крепкие объятия. – Капец, как я буду без таких сиделок с вами?

Алла шмыгает носом, не переставая душить нас своей любовью.

– Это временно. Контракт всего на год предлагают, потом, может быть, я захочу вернуться на родину.

– С хлебных мест не спешат возвращаться к полупустой кормушке.

– Неправда. Будешь ко мне приезжать. Мы не потеряемся, Алла, – говорю тихо, поглаживая подругу по спине.

Зоя между нами начинает возиться и недовольно фыркать.

– Даже не мечтай. Вот здорово было бы, если б у вас с Ромкой всё по-настоящему завертелось. Ты бы сама не захотела уезжать.

– Даже не мечтай!

Произношу почти в ужасе, а в памяти начинают активно всплывать картинки нашего телесного контакта за последние двадцать четыре часа. Для меня поддержать парня за руку сродни первому сексу. Доверие. Новое сокровенное чувство. Почти интимно, когда пальцы сплетаются с чужими, обмениваясь и передавая друг другу тепло и энергию.

Мурашки по коже от воспоминаний.

Закусив губу, я старательно прячу глаза, поправляя Зое съехавшие на бок хвостики. Алла может прочитать меня в пару секунд, поэтому и является моей лучшей подругой. Я таких эмоций, как вчера рядом с Ромой, не испытывала даже рядом с Куликовым. Сплошные эмоциональные горки. То я хочу, чтобы он меня обнял, то я хочу его прибить.

Интересно, что чувствует он? Скорее всего, ему ближе второе. Иначе почему Дроздов до сих пор не ответил на моё сообщение?

– Ник написал, что они подъезжают, – говорит Алла и начинает суетиться, собирая вещи.

Около дверей торгового центра мы решаем разделиться. Алла бежит на парковку забирать племянницу у брата, а мы с Зоей планируем посетить дамскую комнату и купить несколько бутылок воды. Встретиться должны наверху около касс детского центра.

Внутри магазина прохладно и многолюдно. Выходной день и многие семьями приехали за продуктами.

Слушаю беззаботную болтовню своей малышки, иногда поддакивая или объясняя ей очередное «почему», и оглядываюсь по сторонам в поисках урны. Нужно избавиться от вороха грязных салфеток.

– Мааам, – зовёт Зоя, дёргая меня за руку и показывая в сторону большого зоомагазина. – Там рыбки.

– Пойдём посмотрим.

Мы успеваем сделать несколько шагов в направлении аквариумов, как нам наперерез выкатывается доверху набитая продуктовая корзина. Задвинув Зою за спину, строго смотрю на того, кто управляет этой машиной, не глядя по сторонам.

– Простите. Её постоянно ведёт вправо, – оправдывается женщина и по-доброму улыбается, пропуская нас с дочерью вперёд.

– Ничего страшного.

Кивнув ей, перевожу взгляд и натываюсь на быстро двигающихся в нашем направлении братьев Дроздовых.

Первым меня замечает младший. Его глаза широко распахиваются, а на губах начинает играть плутоватая улыбка. Рома прослеживает за его взглядом, и на секунду наши глаза встречаются. Мне кажется, его загораются каким-то странным блеском, или просто это игра света и тени.

Сглатываю образовавшийся в горле ком и сжимаю сильнее ладошку Зои, она пытается вырваться и убежать смотреть так заинтересовавших её рыбок. А я, наоборот, сдвинуться с места не могу и разглядываю плечистую фигуру Дроздова.

На нём сегодня свободная жёлтая майка и синие шорты в белых цветах, на ногах оранжевые сланцы, на голове синяя бейсболка. Выглядит так, словно его поймали по дороге на дачу. Он вообще собирался сегодня отвечать на мои сообщения?

– Ромыч, какая встреча! Твоя будущая жена! – громко выкрикивает Лекс.

Женщина с телегой растерянно оглядывается на парней, а потом поворачивается ко мне. На её лице выражение полного недоумения. И только сейчас я с ужасом понимаю, что братья кошмарно на неё похожи.

Боже...

По спине прокатывается шаровая молния от осознания, кем она приходится Дроздовым. Лекс продолжает давить улыбку, а с лица Ромы улыбка стекает, и он прибавляет шаг.

– Жена? – удивлённо произносит женщина.

Неожиданно дар речи меня покидает, поэтому я неопределённо веду плечами и, округляя глаза, стреляю ими в Рому.

Хьюстон, кажется, у нас проблемы!

– Мама, а что такое «жена»?

Вот теперь точно проблемы...

Вокруг гул голосов, смеха, работают кондиционеры, с улицы слышится шум проезжающих по шоссе машин. Торговый центр живёт своей бурной жизнью, а моя – стремительно рушится. Ни при каких обстоятельствах я не собиралась знакомиться Роминой мамой! Моя затея полностью выходит из-под контроля, обрастая каждый день новыми легендами как снежный ком. И скоро этот ком на полном ходу влетит в меня и сойдёт с ног.

Но, пока он набирает скорость, можно попытаться увернуться и не оказаться погребённой под собственным враньем.

Зоя нетерпеливо дёргает меня за руку и несколько раз напоминает вслух о своём вопросе. Я смотрю на Рому, остановившегося рядом с матерью, он хмурит брови и почёсывает подбородок ладонью. Под ложечкой неприятно сосёт.

– Рома? – озадаченно спрашивает женщина.

Рома молчит.

Ну всё. Крах. Прощай, Дубай. Привет, ближайший контейнер с мусором, ведь именно туда, судя по взгляду, собирается отправить меня Дроздов.

– Жена – это как желе? Съедобно? – не унимается Зойка, к счастью, не понимая весь ужас ситуации, в которую она поставила свою горе-мать.

– Э-э-э... это... – вырывается воздух из моего рта, и я, как рыба, вытщенная из водоёма, глупо открываю и закрываю рот.

Дроздов, помоги!

Но он помогать не собирается. Складывает руки на груди и молча смотрит, как я буду изворачиваться. Я же мозг этой промо-компании. Идеальный вдохновитель. Я даже лозунг придумала: «Хотите фиктивно выйти замуж? Спросите Лену Канарейкину как!»

Отличная месть, Ромочка! Я тебе это припомню.

– Жена-жена-жена...

Дочь крутится вокруг моей руки и прыгает на одной ножке. Ни секунды не может постоять на месте. Дома мы играем в игру «замри», и каждый раз малышка с треском проигрывает, не способная справиться с потоками энергии в своём маленьком тельце. Батарейка садится только к вечеру, когда она сладко засыпает.

– Это самая любимая женщина папы, – медленно произносит мать Дроздова, с интересом рассматривая вертящуюся как заводной волчок Зою.

Приподнимаю подбородок. Малышка у меня просто прелесть, и я очень горжусь ей.

– У папы есть Лиза. У неё красные волосы и родинка на носу, – решает поболтать о личной жизни отца Зоя.

– А у мамы?

– А у мамы... у мамы есть компьютер.

Взгляд женщины теплеет, напряжённая поза немного расслабляется, но она всё ещё сжимает ручку тележки до побелевших костяшек. Краска к её лицу тоже пока не вернулась. Не каждый день внезапно узнаёшь, что старший сын решил жениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.